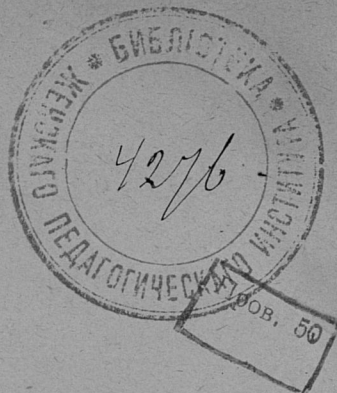

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ТРЕТІЙ.

—•••••—

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1892.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Ноябрь 1892 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *А. Штраухъ*.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Отдѣленія русскаго языка и словесности:	
За сентябрь — декабрь 1891 года.....	I—III
За январь — май 1892 года.....	III—V
Протоколъ экстреннаго засѣданія 8 февраля 1892 года....	V—XXXII
<i>Приложеніе къ протоколамъ: Б. О. Прусикъ. «Риѣмованныя легенды о св. Георгіи въ чешской литературѣ». XXIII—XXIX</i>	
Пятидесятилѣтіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ 1841—1891. Очеркъ дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за пятидесятилѣтіе отъ 1841 по 1891 г. Рѣчь Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Вице-президента Императорской Академіи Наукъ Я. К. Грота.... № 1.	I—III и 1—32
Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1891 годъ, составленный акад. К. Н. Бестужевымъ-Рюминнымъ..... № 2.	1—35
О родинѣ и происхожденіи глаголицы и объ ея отношеніи къ кириллицѣ. Историко-литературное изслѣдованіе архимандрита Леониды, члена-корреспондента Императорской Академіи Наукъ..... № 3.	1—47
Глаголическія Евангелія: Зографское (исх. X вѣка), Маріинское (XI в.), Ватиканское (XI в.). Родина Глаголицы, причины и время ея появленія. Глаголическій алфавитъ. Отличіе текста Глаголическихъ Евангелій отъ Кирилловскаго (Остромирова Евангелія 1057 г.). Отношеніе глаголическаго текста къ латинской вульгатѣ. Конечныя заключенія, вытекающія изъ сравненія глаголическаго извода съ кирилловскимъ. I—IV. (стр. 1—35).	
<i>Приложенія: А. Что оказывается изъ сличенія евангельскаго текста глаголическаго Зографскаго Евангелія (X в.) съ латинскою вульгатою (стр. 36—37). Б. Объ Ассеманіевомъ Евангеліи. (с. 38—39). В. Судьбы Кириллицы и Глаголицы въ IX, X и XI столѣтіяхъ (стр. 40—47).</i>	

Седьмое присужденіе Пушкинскихъ премій..... № 4.

1—78

I. «Вечерній звонъ. Стихи 1887—1890. Я. П. Полонскаго. Спб. 1890». Разборъ Л. И. Поливанова. (стр. 2—64). — II. «Повѣсти и рассказы И. Н. Потапенко. Томъ второй». Рецензія Н. Н. Страхова (с. 64—67). — III. «Поэмы и пѣсни А. Д. Львовой». Разборъ графа А. А. Голенищева-Кутузова. (с. 67—77).

Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ.

Л. Майкова. II—III..... № 5.

1—57

II. Сказанія объ Ильѣ Муромцѣ по рукописямъ XVIII в. *Вводная статья* (стр. 1—24). — «Повѣсть о силнѣмъ могущемъ богатырѣ о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ Разбойникѣ». (Чтеніе на основаніи четырехъ списковъ). Стр. 25—28. *Приложенія*: 1) «Повѣсть о силнѣмъ могущемъ богатыре о Ильѣ Муромцѣ і о Соловьѣ Разбойникѣ». (По Библиотечному списку). Стр. 29—32. — 2) «Гистория о Ильѣ Муромце и о Соловьѣ Разбойникѣ». (По рукописи И. Е. Забѣлина № 71). Стр. 32—34. — 3) «Сказаніе объ Ильѣ Муромцѣ, Соловьѣ Разбойникѣ и Идолицѣ». (По рукописи И. Е. Забѣлина № 82). Стр. 34—45.

III. Повѣсть о Михаилѣ Потокѣ по рукописи XVII в. *Вводная статья* (стр. 46—49). — «Повѣсть о князе Владимѣрѣ Киевскомъ и о богатыряхъ киевскихъ и о Михаилѣ Потокѣ Ивановиче и царѣ Кашею Златой арды». Стр. 50—57.

Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. XVIII—

XXIV. Акад. А. Н. Веселовскаго. *Выпускъ шестой*. № 6.

1—230

XVIII. Вѣщаніе Вѣльвы (Völuspá) и новѣйшая экзегеза. (1—89).

XIX. Эпизоды о раѣ и адѣ въ посланіи новгородскаго архіепископа Василія. (91—104).

XX. Еще къ вопросу о дуалистическихъ космогоніяхъ. (105—136).

XXI. Къ видѣнію Амфилога. (137—146).

XXII. Большой стихъ о Егоріи и сказка объ Ильѣ и Змѣѣ. (147—166).

XXIII. Къ развитію народныхъ представленій о Долѣ. (167—183).

XXIV. Видѣніе Григорія о послѣднихъ дняхъ (185—213).

Дополненія и поправки къ V-му выпуску Разысканій. (215—227).

Дополненія и поправки къ VI-му выпуску Разысканій. (227—230).

Приложеніе: Θεωρία Γρηγορίου.....

1—174

- Новыя данныя для исторіи романа объ Александрѣ. Академика А. Н. Веселовскаго..... № 7. 1—167
 (Александръ Веселовскій). Новыя данныя для исторіи романа объ Александрѣ. (1—27).
 (М. Гастеръ). «Еврейская Александрія XII вѣка». (29—56).
 (А. Я. Гаркави). II. Новыя данныя для исторіи романа объ Александрѣ. (57—156).
 (Его же). Замѣчанія на статью Гастера (156—163); нѣкоторыя поправки и дополненія къ первымъ листамъ настоящей статьи (164—165); еврейскій (арамейскій и арабскій) указатель. (166—167).
 А. А. Потебня 1835 ^{10 сентября} _{† 29 ноября} 1891. Библиографическіе матеріалы для біографіи Александра Афанасьевича Потебни собранъ Э. А. Вольтеръ..... № 8. 1—33
 Предисловіе (1—2); біографическія и біблиографическія замѣтки о членѣ-корреспондентѣ Импер. Ак. Наукъ проф. А. А. Потебнѣ (3—4); списокъ отзывовъ и некрологовъ (4—8); списокъ трудовъ и статей А. А. Потебни (8—29); труды оставшіеся въ рукописяхъ (29—32); указатель (33—34).

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ЗАСѢДАНІЙ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

Сентябрь — декабрь 1891 года.

По прочтеніи К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ составленной имъ записки объ учено-литературныхъ трудахъ экстраординарнаго академика Л. Н. Майкова произведена была баллотировка его шарами въ кандидаты на званіе ординарнаго академика и, вслѣдствіе ея, Леонидъ Николаевичъ оказался единогласно избраннымъ. Положено препроводить записку академика Бестужева къ г. непремѣнному секретарю.

Академикъ М. И. Сухомлиновъ, представивъ собранные имъ портреты Ломоносова и въ томъ числѣ присланную, по просьбѣ его, генераломъ Ностицемъ фототипію съ подлиннаго, писаннаго масляными красками изображенія, доложилъ, что владѣлецъ этого портрета предлагаетъ, въ случаѣ, если Академія пожелаетъ, доставить, въ видѣ пожертвованія, 1000 оттисковъ этой фототипіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ академикъ Сухомлиновъ просилъ Отдѣленіе избрать одинъ изъ имѣющихся портретовъ Ломоносова для приложенія къ 1-му тому его сочиненій. Къ участію въ сужденіи по этому предмету приглашенъ былъ, по желанію Михаила Ивановича, архиваріусъ В. П. Шеміотъ и, по разсмотрѣніи представленныхъ портретовъ, избрана для предполагаемой цѣли помянутая фототипія, вслѣдствіе чего и опредѣлено, согласно съ предложеніемъ генерала Ностица, просить его доставить въ Академію предлагаемое имъ число оттисковъ.

Предсѣдательствующій передалъ Л. Н. Майкову полученную отъ графа П. И. Капниста, вслѣдствіе письма Августѣйшаго пре-

зидента Академіи, писанную рукою Пушкина тетрадь его стихотвореній съ замѣтками поэта. Положено благодарить доставителя отъ имени Его Императорскаго Высочества.

Академикъ Л. Н. Майковъ сообщилъ, что магистрантомъ С.-Петербургскаго университета А. Л. Петровымъ собраны, во время его пребыванія въ Венгріи, значительные матеріалы для изученія исторіи угро-русскихъ говоровъ, до сихъ поръ весьма мало извѣстныхъ. Въ составъ этихъ матеріаловъ входятъ: 1, записи на церковныхъ книгахъ, грамоты и письма мѣстныхъ епископовъ, а также частныхъ лицъ съ 1500 года по конецъ XVIII вѣка; 2, краткая угро-русская лѣтопись съ половины XVII вѣка; 3, поученія на Евангеліе, сочиненныя вѣроятно въ XVII в., въ спискѣ 1747 г. на угро-рускомъ языкѣ; 4, трактатъ священника Михаила Андреллы изъ Оросвега противъ уніи, составленный въ концѣ XVII в., на языкѣ, смѣшанномъ изъ церковно-славянскаго, угро-русскаго и мадыарскаго; 5, описаніе Мармарошскихъ обителей XVIII в., 6, сборникъ ложныхъ молитвъ и заговоровъ того же вѣка и 7, народный лѣчебникъ также XVIII в. Г. Петровъ предполагаетъ составить къ этому собранію діалектическихъ матеріаловъ введеніе, въ которомъ будутъ изложены грамматическія особенности угро-русскихъ говоровъ, и желалъ бы, чтобъ его трудъ былъ принятъ для помѣщенія въ Сборникъ Отдѣленія. Определено: прежде рѣшенія о принятіи труда г. Петрова къ печатанію просить академика И. В. Ягича подвергнуть этотъ сборникъ разсмотрѣнію и дать о немъ отзывъ.

Читано письмо профессора Дерптскаго университета П. А. Висковатова на имя предѣдательствующаго: желая доказать оспариваемую достовѣрность найденныхъ и изданныхъ имъ рукописей поэмы Лермонтова «Демонъ», г. Висковатовъ проситъ Отдѣленіе разсмотрѣть эти рукописи и для того предлагаетъ привезти ихъ въ Петербургъ съ приложеніемъ документовъ, которые онъ затѣмъ намѣревается передать въ Императорскую Публичную библіотеку. Отдѣленіе, находя эту просьбу вполне заслуживающею вниманія, опредѣлило увѣдомить проф. Висковатова, что оно, желая при предполагаемомъ разсмотрѣніи приобщить къ себѣ и члена-корреспондента своего А. Н. Майкова, нынѣ отсутствующаго, назначить позднѣе время засѣданія, въ которое пригласить и самого г. Висковатова, для рѣшенія изъясненнаго въ его письмѣ сомнѣнія.

Академикъ Л. Н. Майковъ сообщилъ о результатахъ своей поѣздки въ Московскую губернію для собиранія матеріаловъ къ

предпринятому Академіею изданію сочиненій Пушкина. Л. Н. Майковъ не имѣлъ возможности посѣтить село Остафьево вслѣдствіе отсутствія владѣльца, князя П. П. Вяземскаго. Зато онъ разсмотрѣлъ обширный архивъ одного изъ пріятелей Пушкина С. А. Соболевскаго, хранящійся въ селѣ Михайловскомъ, имѣнны графа С. Д. Шереметева, который выразилъ полнѣйшую готовность содѣйствовать предпріятію Академіи и въ частности работамъ г. Майкова. Въ архивѣ Соболевскаго нашлось нѣсколько писемъ къ нему отъ А. С. Пушкина; изъ нихъ не всѣ были напечатаны, а въ напечатанныхъ оказались пропуски. Кромѣ того, въ томъ же архивѣ найдены письма Д. В. Веневитинова, М. П. Погодина, Н. М. Рожалина, С. П. Шевырева и другихъ московскихъ литераторовъ, которыми во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ было задумано и предпринято изданіе «Московского Вѣстника». Изъ этихъ писемъ раскрываются отношенія Пушкина къ этому журналу и его основателямъ. Въ архивѣ же Соболевскаго найденъ г. Майковымъ небольшой, доселѣ неизвѣстный въ печати, критическій отзывъ Пушкина объ альманахѣ «Сѣверная Лира», предназначенный для «Московского Вѣстника», но оставшійся не дописаннымъ и не напечатаннымъ. Тотъ же академикъ представилъ къ печати второй выпускъ своихъ «Матеріаловъ и изслѣдованій по старинной русской литературѣ». Выпускъ этотъ содержитъ въ себѣ двѣ статьи: а) «Сказанія объ Ильѣ Муромцѣ» по рукописямъ XVIII в. и б) «Повѣсть о Михаилѣ Потокѣ» по рукописи XVII вѣка. Положено напечатать этотъ выпускъ въ LIII томѣ Сборника.

Январь—май 1892 года.

Читано письмо профессора Дерптскаго университета П. А. Висковатова на имя предсѣдательствующаго съ просьбою истребовать изъ Лермонтовскаго музея нѣсколько документовъ для предположеннаго, согласно просьбѣ его, засѣданія Отдѣленія съ цѣлью опредѣлить достоинство рукописей, которыми онъ пользовался при изданіи сочиненій Лермонтова. Положено исполнить.

Предсѣдательствующій сообщилъ, что вслѣдствіе письма Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго президента Академіи на имя завѣдующаго Лермонтовскимъ музеемъ генераль-маіора Рынкевича, доставлены принадлежащія музею подлинныя рукописи и копии съ произведеній поэта, всего 9 документовъ согласно

со спискомъ ихъ, приложеннымъ къ письму профессора Висковатова отъ 3-го января.

Читано письмо князя Юсупова графа Сумарокова-Эльстона на имя Августѣйшаго президента о томъ, что онъ, согласно выраженному Его Императорскимъ Высочествомъ желанію, въ непродолжительномъ времени доставитъ въ Академію каталогъ архангельской бібліотеки, находящейся въ подмосковномъ имѣніи, куда онъ, князь Юсуповъ, скоро думаетъ отправиться.

Предъявленъ переданный въ Отдѣленіе академикомъ А. А. Кунникомъ списокъ трудовъ покойнаго члена-корреспондента Отдѣленія А. А. Потебни, составленный помощникомъ бібліотекаря Вольтеромъ. Положено списокъ этотъ напечатать въ Сборникѣ.

По поводу сомнѣній, высказанныхъ журнальною критикой относительно достовѣрности рукописи поэмы «Демонъ», которою пользовался П. А. Висковатовъ при изданіи сочиненій Лермонтова, Отдѣленіе имѣло особое засѣданіе, протоколъ котораго, напечатанный въ свое время въ Правительственномъ Вѣстникѣ и въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, ниже помѣщается въ полномъ видѣ.

Предсѣдательствующій заявилъ о полученіи имъ нѣсколькихъ писемъ отъ разныхъ лицъ какъ съ выраженіемъ удовольствія по поводу выхода въ свѣтъ 1-го выпуска издаваемого Отдѣленіемъ «Словаря русскаго языка», такъ и съ предложеніемъ присылки своихъ замѣтокъ и дополненій для послѣдующихъ выпусковъ. Такъ, между прочими, были прочитаны два письма отъ Л. И. Поливанова изъ Москвы (отъ 4 и 18 февраля), въ которыхъ онъ извѣщаетъ о томъ выгодномъ впечатлѣніи, какое произвело среди московскихъ преподавателей-филологовъ появленіе вышеозначеннаго выпуска Словаря, особенно въ виду ощутительной въ немъ потребности для учащихся и учащихся со смѣною переводовъ съ русскаго языка на древніе — переводами съ древнихъ языковъ на родной, когда постоянно приходится встрѣчаться съ затрудненіями при передачѣ на русскій языкъ богатаго словаря языковъ классическихъ. Далѣе авторъ этихъ писемъ, указавъ на важность обработки значенія союзовъ и различныхъ оттѣнковъ употребленій ихъ, выражаетъ готовность принять участіе въ чтеніи корректурныхъ листовъ Словаря, особенно въ отношеніи къ этой части рѣчи, наиболѣе интересующей его, какъ спеціально занимающагося русскимъ синтаксисомъ. Положено благодарить г. Поливанова и предложеніемъ его воспользоваться.

Л. Н. Майковъ сообщилъ, что профессору Варшавскаго университета В. Н. Александренку удалось собрать въ нѣкоторыхъ нашихъ архивахъ значительное количество писемъ знаменитаго сатирика князя Антиоха Кантемира, а также писемъ разныхъ лицъ къ нему. Письма эти представляютъ интересъ для исторіи русской литературы и просвѣщенія, а равно для біографіи князя Кантемира. Вслѣдствіе того Л. Н. Майковъ предложилъ издать эти матеріалы, выразивъ при томъ готовность составить къ нимъ введение и снабдить ихъ объяснительными примѣчаніями. Определено принять предложеніе г. Майкова.

Л. Н. Майковъ передалъ главному редактору Словаря Я. К. Гроту выписки примѣровъ изъ писателей, находящіяся въ трудѣ А. А. Потебни: «Изъ записокъ по русской грамматикѣ». Положено воспользоваться по мѣрѣ возможности доставленными извлеченіями.

Л. И. Поливановъ прислалъ изъ Москвы начало обѣщанныхъ имъ для Словаря замѣтокъ о союзахъ, представляющее собою цѣлый трактатъ, на 14 страницахъ, объ этимологическомъ происхожденіи и употребленіи у образцовыхъ писателей союза «вѣдь», а также извлеченіе изъ этого трактата въ видѣ проекта для внесенія въ текстъ Словаря. Положено воспользоваться означенными извлеченіями г. Поливанова въ той мѣрѣ, въ какой будетъ найдено болѣе удобнымъ и соотвѣтствующимъ цѣли.

Читано письмо академика Тихонравова на имя предсѣдательствующаго, въ которомъ Николай Саввичъ изъясняетъ, что по поводу имѣющаго исполниться 1-го декабря текущаго года столѣтія со дня смерти Фонвизина онъ желаетъ издать къ этому сроку сборникъ матеріаловъ для полнаго собранія сочиненій этого писателя и, въ случаѣ согласія на то Отдѣленія, намѣревается заняться печатаніемъ сборника въ теченіе предстоящихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Положено увѣдомить академика Тихонравова, что Отдѣленіе вполне одобряетъ его предположеніе.

ПРОТОКОЛЬ ЗАСѢДАНІЯ 8 ФЕВРАЛЯ 1892 ГОДА.

По открытіи засѣданія г. предсѣдательствующій заявилъ, что настоящее экстренное собраніе назначено исключительно для оцѣнки Отдѣленіемъ, по просьбѣ профессора Дерптскаго университета П. А. Висковатова ¹⁾, достовѣрности случайно найденной имъ

¹⁾ См. стран. II и III.

рукописи заключающей въ себѣ полный текстъ поэмы Лермонтова «Демонъ», которою г. Висковатовъ пользовался при изданіи поэмы (въ III-мъ томѣ редактированнаго имъ собранія сочиненій М. Ю. Лермонтова, вышедшаго въ 1891 г. въ Москвѣ въ 6-ти томахъ), такъ какъ со стороны критики высказаны были на этотъ счетъ нѣкоторыя сомнѣнія. Для этой цѣли къ участію въ засѣданіи приглашены были: самъ г. Висковатовъ и члены-корреспонденты Отдѣленія: А. Н. Майковъ, Я. П. Полонскій, Н. Н. Страховъ, А. Н. Пыпинъ, Д. В. Григоровичъ и гр. А. А. Кутузовъ. Къ сожалѣнію, двое послѣднихъ по обязательнымъ служебнымъ занятіямъ не могли присутствовать въ засѣданіи.

По приглашенію Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго президента Академіи Наукъ проф. Висковатовъ въ довольно пространной рѣчи изложилъ взглядъ на судьбу поэмы «Демонъ» въ печати до самаго послѣдняго времени, кончая изданіями сочиненій Лермонтова, появившимися въ теченіи 1891 г. по поводу исполнившагося 50-тилѣтія со дня кончины поэта, и, сдѣлавъ перечень всего рукописнаго автографическаго матеріала, которымъ могли располагать при своихъ изысканіяхъ по изданію поэмы прежніе редакторы, предложилъ на разсмотрѣніе Его Высочества и г.г. присутствовавшихъ какъ найденную имъ вышеупомянутую рукописную тетрадь, заключающую въ себѣ полный текстъ поэмы, съ различными поправками и помѣтками руки Лермонтова, — въ совершенно новой позднѣйшей, сравнительно съ извѣстными уже до того, редакціи, — такъ и нѣкоторыя другія рукописи, частію доставленныя въ Отдѣленіе изъ Лермонтовскаго музея. Для ознакомленія собранія съ критическимъ достоинствомъ своей находки проф. Висковатовъ сопоставлялъ всѣ важныя мѣста, предлагаемыя этимъ новымъ спискомъ поэмы: варіанты какъ отдѣльныхъ словъ и выраженій, такъ и цѣлыхъ стиховъ, перестановокъ, сокращеній и т. под. важныхъ измѣненій прежняго рукописнаго и печатнаго текста.

Рефератъ докладчика, прерываемый время отъ времени запросами, на которые г. Висковатовъ давалъ свои разъясненія, длился отъ 3 до 5 ч. пополуд. и заключался, въ общихъ чертахъ, въ слѣдующемъ.

При жизни Лермонтова поэма его: «Демонъ» не появлялась въ печати ни въ цѣломъ видѣ, ни въ отрывкахъ. Впервые отрывки изъ нея появились въ Отечествен. Запискахъ 1842 г., но полностью она сдѣлалась извѣстною публикѣ еще при жизни поэта изъ рукописныхъ списковъ, ходившихъ по рукамъ, особенно среди моло-

дежи. Только въ 1860 г. впервые поэма предлагается публикѣ цѣликомъ въ собраніи сочиненій Лермонтова, вышедшемъ подъ редакцію Дудышкина, затѣмъ перепечатывается безъ важныхъ измѣненій, хотя и съ замѣнами однихъ мѣстъ другими и перестановками, въ цѣломъ рядѣ изданій собранія сочиненій поэта, вышедшемъ подъ ред. П. А. Ефремова. Текстъ поэмы постоянно видоизмѣнялся съ каждымъ новымъ изданіемъ, но вообще его печатали съ разныхъ списковъ, не поэта рукою писанныхъ, и допускались произвольныя исправленія и добавленія. Какъ первый издатель Лермонтова, Дудышкинъ, такъ и продолжатель его дѣла г. Ефремовъ не считали нужнымъ упоминать о самой рукописи, изъ которой они извлекали для своихъ изданій основной текстъ поэмы. Только въ послѣднихъ изданіяхъ собранія сочиненій Лермонтова, начиная съ 1880-го года, г. Ефремовъ сталъ указывать въ одномъ изъ своихъ примѣчаній къ тексту поэмы, что дѣлалъ исправленія текста по рукописи «принадлежащей О. И. Квисту, поправленной самимъ Лермонтовымъ въ 1840 году». Но означенный списокъ поэмы (нынѣ хранящійся въ Лермонт. музеѣ) совсѣмъ не исправленъ *самимъ* поэтомъ, а поправки въ немъ сдѣланы уже черезъ третьи руки. Да и въ немъ г. Ефремовъ тоже допускалъ произвольныя измѣненія. Такимъ образомъ *текстъ поэмы*, печатавшійся въ Россіи вплоть до 1891 года, *не можетъ считаться достовернымъ*.

Еще въ бѣльшей степени можно сказать это объ изданіяхъ, появившихся за границей, изданіяхъ весьма неточныхъ, ошибочныхъ и спутанныхъ. Исключенія представляютъ лишь изданія 1856 и 1857 г.г., вышедшія въ Карлсру и въ Берлинѣ, послужившія основаніемъ и для большинства изданій, появившихся въ 1891 г. въ Россіи. Но, какъ было доказано проф. Висковатовымъ, и это изданіе, сдѣланное будто бы съ «своеручной рукописи» Лермонтова, не заслуживаетъ довѣрія. Сами редакторы новыхъ изданій, признавая текстъ изданія, вышедшаго въ Карлсру, точнымъ, не слѣдуютъ ему безусловно, а видоизмѣняютъ его.

Г. Введенскій (въ изд. Маркса) говоритъ: «Многое въ изданіи въ Карлсру 1856 года было плохо разобрано, а въ изданіи 1857 года введены уже добавленія изъ другихъ источниковъ» (стр. 364). Г. Введенскій видоизмѣняетъ текстъ изданія поэмы въ Карлсру.

Тоже и г.г. Ефремовъ и Буковской (въ иллюстрированномъ изд. Кушнера и Прянишникова, вышедшемъ въ Москвѣ въ 2-хъ томахъ). Такъ они печатаютъ стихъ:

Столпообразныя *раины*,

а не *руины*, хотя въ Карлерускомъ изданіи стоитъ *руины* и самъ г. Ефремовъ, полемизируя съ проф. Висковатовымъ, стоялъ за форму *руины*. Редакторы Кушнеревского изданія ссылаются на списокъ «Демона», сдѣланный В. Г. Бѣлинскимъ въ 1846 г. для своей невѣсты,—признавая его безошибочнымъ и сходнымъ съ изданнымъ въ Карлеру. Но въ списокѣ Бѣлинскаго встрѣчаются невозможные варианты: вмѣсто стиха (словъ Тамары къ Демону)

«Но если ты, обманъ *тая...*» (изд. Висковатова с. X, части II-й, стр. 34)

Бѣлинскій пишетъ:

«Но если ты — обманъ.... *то я...*»

Впрочемъ и самъ онъ дѣлаетъ примѣчаніе въ концѣ своего списка (Кушнеревск. изд. стр. 215): «Такъ какъ поэма эта была авторомъ переправляема, то въ различныхъ спискахъ, ходящихъ по рукамъ, нѣкоторыя мѣста въ ней болѣе или менѣе разнятся между собою. Здѣсь прилагаются всѣ такія мѣста.....» Если бы Бѣлинскій списывалъ текстъ свой съ автографа Лермонтова, онъ бы это высказалъ, а не говорилъ о различныхъ спискахъ, которые, очевидно, имѣлъ передъ собою. Такимъ образомъ и редакция Кушнеревского изданія поэмы не выдерживаетъ критики.

Болѣе другихъ слѣдовалъ изданію въ Карлеру г. Болдаковъ (издан. Гербекъ), но и онъ (на стр. 410) говоритъ: «Мы приняли въ нѣкоторыхъ очень немногихъ стихахъ чтеніе того или другого изъ сопоставленныхъ нами списковъ». Такимъ образомъ и здѣсь является произволъ личнаго вкуса и соображеній.

О другихъ изданіяхъ проф. Висковатовымъ не было упоминаемо, потому что они, по его мнѣнію, не представляютъ результатовъ самостоятельныхъ изысканій, а даютъ только перепечатки прежнихъ изданій.

Указавъ на несостоятельность печатныхъ текстовъ, докладчикъ представилъ объясненія того, какъ составлялись списки поэмы переписчиками и любителями поэзіи. Лермонтовъ работалъ надъ поэмою съ 1829 г. и до самой смерти своей. Она нѣсколько разъ передѣлывалась имъ, иногда лишь въ отношеніи къ отдѣльнымъ сценамъ или даже стихамъ. Любители, встрѣчая списки разныхъ лѣтъ и различныхъ ступеней художественной обработки, по своему вкусу соединяли ихъ и часто ставили рядомъ то, что являлось только передѣлкою и должно было замѣнять прежнее. (Были представлены

любопытные тому примѣры. Такъ встрѣчаются списки поэмы, гдѣ дѣйствіе происходитъ то въ Испаніи, то на Кавказѣ).

Текстъ во всемъ рядѣ изданій съ 1860 г. и кончая изданіями, появившимися въ 1891 г., грѣшитъ такими промахами.

Изъ списковъ поэмы, писанныхъ рукою самого поэта, до издателей дошли лишь юношескіе очерки (въ тетрадахъ Лермонтова, подаренныхъ А. А. Краевскимъ Лермонтовскому музею). Это списки (см. сочин. Лермонтова, изд. Рихтера подъ редакціею проф. Висковатова въ III-мъ томѣ):

1-ый очеркъ «Демона», набросанный въ 1829 г. въ бытность поэта еще 15-тилѣтнимъ мальчикомъ въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ (въ 3-ей черновой тетради). Напечатанъ у Висковатова на стр. 49—53.

2-ой очеркъ 1830 г. — въ бытность поэта въ Московскомъ университетѣ (въ 4-ой черновой тетради). Напечатанъ у Висковатова на стр. 54—74 [и сходный съ нимъ списокъ г-жи Дешанъ-де-Виллеръ 1831 года].

3-й очеркъ 1831 г. (въ 8-й тетради), писанъ весь рукою Лермонтова и заключаетъ (7 строфъ) лишь начало поэмы, съ замѣткой въ концѣ рукою же поэта: «Я хотѣлъ писать эту поэму въ стихахъ, но нѣтъ — въ прозѣ лучше». Напечатанъ у Висковатова на стр. 75—76.

4-й очеркъ, писанный уже не самимъ поэтомъ, а рукою искуснаго каллиграфа, безспорно бывшій въ рукахъ Лермонтова, относится къ 1832—1833 г.г., ко времени пребыванія поэта въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ (въ Спб.). Принадлежалъ пріятелю Лермонтова, Булгакову. Доставленъ былъ въ 1843 году Краевскому Ульяновымъ и подаренъ также Лермонтовскому музею. Въ первый разъ появляется въ печати только въ изданіи Висковатова (на стр. 77—93).

Все эти очерки принадлежатъ къ эпохѣ, когда дѣйствіе поэмы происходило еще въ Испаніи.

Затѣмъ проф. Висковатовъ показалъ двѣ рукописи съ текстомъ «Демона», которыми онъ пользовался для редактированнаго имъ собранія сочиненій Лермонтова, вышедшаго въ Москвѣ въ 1891 г. въ 6-ти томахъ и изданнаго Рихтеромъ (см. III т., стран. 1—45 и 94—106).

Прежде была предложена на разсмотрѣніе рукопись 1838 года, полученная докладчикомъ отъ Ел. Д. Лопухиной (рожд. Голохвастовой), снохи пріятеля Лермонтова, А. А. Лопухина. Эта

рукопись большого формата (въ листъ), писана рукою писаря, но въ ней даты: «1838» и «8 сентября» помѣчены рукою Лермонтова, который написалъ и заглавіе. Въ текстѣ чернилами вписаны имъ цѣлые стихи, сдѣлано пять подстрочныхъ примѣчаній и нѣсколько поправокъ отдѣльныхъ словъ и рукою же поэта написано все посвященіе. Въ этомъ списокѣ дѣйствіе въ первый разъ переносится на Кавказъ, но нѣтъ еще многихъ чертъ, являющихся позднѣе: нѣтъ клятвы, нѣтъ эпилога и т. д. (Описаніе рукописи сдѣлано было г. Висковатовымъ въ Русск. Вѣстникѣ 1889 г., мартъ, стр. 224).

Вслѣдъ за симъ была представлена и найденная г. Висковатовымъ рукопись въ 4-ую долю листа, на синей бумагѣ 1823 или 1825 года. Она писана въ 1840—41 году (4-я цифра стерлась и остались лишь 184*) вся рукою писаря, схожею съ тою, которою было написано уцѣлѣвшее посвященіе къ «Демону» изъ бумагъ Александры Верещагиной (въ замуж. за бар. Гюгель) въ Штутгартѣ, получившей ихъ отъ Варвары Бахметевой, друга поэта, — съ очень немногочисленными помѣтками, сдѣланными карандашомъ и относящимися по большей части къ пропускамъ, сдѣланнымъ писаремъ, или къ неудовлетворительности его работы. Въ началѣ помѣчено: «переписать». Небольшое число выражений, отдѣльныхъ словъ текста исправлено тоже карандашомъ. Эти помѣтки отъ времени очень стерлись, но, насколько видны, представляютъ несомнѣнное сходство съ почеркомъ послѣднихъ рукописей поэта (напр. 15-ой тетради Лерм. музея).

Ко внѣшнимъ доказательствамъ того, что означенная рукопись была въ рукахъ поэта и представляетъ одну изъ самыхъ послѣднихъ передѣлокъ поэмы, кромѣ помѣтки карандашомъ, сдѣланной въ концѣ 184(?) г., принадлежитъ и слѣдующій фактъ. Часть рукописей поэта находится въ Штутгартѣ у дочери баронессы Гюгель (урожд. А. М. Верещагиной), съ которою Лермонтовъ и Варвара Александровна Бахметева были въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Къ В. А. Бахметевой относятся многія изъ стихотвореній поэта и между прочимъ ей посвящены очерки «Демона». Каждый разъ, когда поэтъ думалъ, что окончательно обработалъ поэму, онъ спѣшилъ отсылать списокъ съ посвященіемъ г-жѣ Бахметевой, рожденной Лопухиной. Портретъ поэта, имъ самимъ рисованный, и часть принадлежавшихъ Варварѣ Александровнѣ рукописей перешли къ А. М. Гюгель (р. Верещагиной), въ томъ числѣ и списокъ поэмы «Демонъ». Проф. Висковатовъ разыски-

валъ этотъ списокъ, который, по письменному свидѣтельству дочери умершей баронессы Гюгель, пропалъ изъ ихъ семейной библіотеки. Сохранилось лишь посвященіе, писанное на листѣ бѣлой бумаги 30—40-ыхъ годовъ. Это посвященіе писано тою же рукою, какъ и рукопись поэмы, представленная проф. Висковатовымъ.

Но самымъ убѣдительнымъ доводомъ служитъ *содержаніе* рукописи, въ коей находятся цѣлыя строфы, не встрѣчающіяся въ другихъ спискахъ. Не говоря уже о томъ, что здѣсь попадаютъ слова и выраженія, даже цѣлые стихи, избличающіе руку *мастера*, въ этомъ списокѣ исключено множество длиннотъ и слабыхъ мѣстъ, имѣющихся въ прежнихъ рукописныхъ текстахъ и воспроизведенныхъ также въ печати, при чемъ цѣлые строфы и стихи, очевидно, писанные поэтомъ для замѣны одного другимъ болѣе совершеннымъ, писались и печатались нерѣдко другъ за другомъ.

Проф. Висковатовъ указалъ между прочимъ на слѣдующіе важнѣйшіе строфы и стихи, являющіеся въ его списокѣ вполнѣ новыми или въ значительной передѣлкѣ противъ прежнихъ изданій поэмы.

Строфа V-я (II-ой части поэмы) является въ совершенно новомъ видѣ (см. Соч. Лермонтова, изд. Висковатова, III т., стр. 23) всего 8 стиховъ:

V.

Но въ сѣмницѣ своимъ блистаньемъ
Восторга міръ не пробуждалъ.
Полна тревожнымъ ожиданьемъ
Вся предалась она мечтаньямъ,
Все передъ нею *онъ* стоялъ.
Страсть безотчетная, какъ тѣнью,
Жизнь осѣнила передъ ней:
Ей стало все предлогъ мученью. . . .

Нѣсколько далѣе опять совершенно новые стихи, числомъ 15 (стран. 24):

То думы радостной волна
Ее охватить, и бывшее
Встаетъ изъ мрака, какъ живое,
И ясныхъ сновъ душа полна.

Тѣснятся въ ней воспоминанья,
 Изъ дѣтства ранняго сказанья
 Родной и милой старины.
 Ея тревожныя мечтанья
 Опять къ *нему* обращены.
 Вновь гость чудесный передъ нею
 Съ челомъ развѣнчаннымъ стоялъ;
 Онъ отъ нея спасенья ждалъ,
 Любить и вѣровать не смѣя.
 Онъ такъ смотрѣлъ, онъ такъ молилъ,
 Онъ, мнилось, такъ несчастливъ былъ. . . .

Только послѣдніе два стиха (изъ числа означенныхъ 15-ти) встрѣчаются въ нѣкоторыхъ вариантахъ въ концѣ II-ой строфы (II-ой части поэмы). Поэтъ перенесъ ихъ сюда, измѣнивъ слово *манилъ* на *молилъ*.

Самымъ же знаменательнымъ и крупнымъ вкладомъ является совершенное измѣненіе одного изъ важнѣйшихъ мѣстъ поэмы, именно строфъ: VIII, IX и X-ой — II-ой части поэмы.

Въ изданіяхъ печаталось:

(VIII) И входитъ онъ, любить готовый,
 Съ душой, открытой для добра;
 И мыслить онъ, что жизни новой
 Пришла желанная пора.
 Неясный трепетъ ожиданья,
 Страхъ неизвѣстности нѣмой,
 Какъ будто въ первое свиданье,
 Спознались съ гордою душой;
 То было злое предвѣщанье. . . .
 Онъ входитъ, смотреть, передъ нимъ
 Посланникъ рая — херувимъ,
 Хранитель грѣшницы прекрасной,
 Стоитъ съ блистающимъ челомъ
 И отъ врага съ улыбкой ясной
 Пріосѣнилъ ее крыломъ. . . .
 И лучъ божественнаго свѣта
 Вдругъ ослѣпилъ нечистый взоръ,
 И вмѣсто сладкаго привѣта
 Раздался тягостный укоръ:

(IX) «Духъ безпокойный, духъ порочный,
Кто звалъ тебя во тѣмѣ полночной?
Твоихъ поклонниковъ здѣсь нѣтъ;
Зло не дышало здѣсь понынѣ!
Къ моей любви, къ моей святынѣ
Не пролагай преступный слѣдъ!
Кто звалъ тебя?»

Ему въ отвѣтъ

Злой духъ коварно усмѣхнулся;
Зардѣлся ревностію взглядъ,
И вновь въ душѣ его проснулся
Старинной ненависти ядъ.
«Она моя!» — сказалъ онъ грозно: —
Оставь ее! она моя!
Явился ты, защитникъ, поздно,
И ей, какъ мнѣ, ты не судья.
На сердце, полное гордыни,
Я наложилъ печать мою;
Здѣсь больше нѣтъ твоей святыни;
Здѣсь я владѣю и люблю!»

Въ найденномъ спискѣ (по изд. Висковатова, стран. 25 и сл.) первые 8 стиховъ тѣ же, но затѣмъ вмѣсто немотивированнаго стиха:

«То было злое предвѣщанье! . . .

читается:

(строфа Минуя образъ озаренный,
VII изд. Проникнулъ въ келію смущенный
Висков., Духъ отверженія и зла;
стран. 27). И сталъ недвижимъ у порога
И, чуя вѣяніе Бога,
Не смѣя приподнять чела,
На грудь склонился головою,
Тонимъ невѣдомой тоскою. . .
(VIII Но взоръ онъ поднялъ — ангелъ нѣжный
строфа) Въ одеждѣ легкой бѣлоснѣжной
Стоитъ съ блистающимъ челомъ,
Хранитель схимницы прекрасной,
И отъ врага съ улыбкой ясной

Приосѣнилъ ее крыломъ.
 Они невинны, чисты оба!
 Онъ смотритъ — ненависть и злоба
 Мгновенно пробудили страсть:
 Исчезнулъ ясный рой мечтаній;
 Вѣка вражды, вѣка страданій
 Надъ нимъ свою явили власть.

Херувимъ.

Духъ безпокойный, духъ порочный,
 Кто звалъ тебя во тѣмѣ полночной?
 Твоихъ поклонниковъ здѣсь нѣтъ;
 Зло не дышало здѣсь понынѣ!
 Къ моей любви, къ моей святынѣ
 Не пролагай преступный слѣдъ!»

Демонъ.

«Оставь ее! Межъ ней и мною
 Не становись: она моя!
 Мы связаны судьбой одною,
 И ей, какъ мнѣ, не ты судья.
 Подъ чарой ясной благостыни
 Я счастье лучшихъ дней ловлю!
 Здѣсь больше нѣтъ твоей святыни,
 Здѣсь я владѣю, я люблю!
 (стран. 28 Рѣшило небо нашу встрѣчу,
 изд. Ви- Рѣшило небо нашу встрѣчу,
 сков.). Любовь и торжество мое. . .
 Не ты — предъ Богомъ я отвѣчу
 И за себя и за нее». . .

Затѣмъ въ обѣихъ редакціяхъ сходно:

И ангелъ грустными очами
 На жертву бѣдную взглянулъ
 И, медленно взмахнувъ крылами,
 Въ эфиръ неба потонулъ. (ibidem).

Далѣе непосредственно за этимъ Въ рукописи, найденной г. Висковатовымъ (изд. Висков., стр. 28):

Тамара.

(строфа IX).

О кто ты? рѣчь твоя ужасна Тамара гордой рѣчи внемлетъ;
 (вар.: опасна)! Чудесный страхъ ее объемлетъ;
 Тебя послалъ мнѣ адъ иль рай? Онъ передъ схимницей стоитъ,
 Чего ты хочешь? Знакомой блещетъ красотою,
 Демонъ. И утихающей грозою
 Ты прекрасна! Взоръ отуманенный блеститъ.

Тамара.

Тамара.

Но кто ты... и т. д. О, кто ты? Рѣчь твоя опасна!
 Тебя послалъ мнѣ адъ иль рай?
 и т. д.

Есть и еще крупныя измѣненія и длинные ряды стиховъ (какъ напр. въ строчкѣ XV, второй части поэмы, изд. Висковатова стран. 41 и 42), не встрѣчающіеся въ другихъ изданіяхъ и спискахъ.

Вотъ еще нѣсколько примѣровъ тѣхъ немаловажныхъ поправокъ отдѣльных стиховъ и выраженій, какія можетъ предложить редактору текста поэмы рукописная редакція, найденная проф. Висковатовымъ.

Въ редакціи Висковатова:

Прежде было:

1) И <i>разъяренною тигрицей</i>
<i>Косматый Терекъ въ глубинѣ</i>
Ревѣлъ, и горный звѣрь и т. д.
(части I-ой строфа III, стр. 7).	1) И Терекъ, прыгая какъ <i>львица</i>
Съ косматой гривой на хребтѣ,
Ревѣлъ и хищный звѣрь и т. д.
2) Ея <i>узорчатой</i> повязкой
<i>И золотыхъ кудрей волной</i>
Играетъ вѣтеръ... (строфа VIII,
стран. 11).	2) Ея <i>узорною</i> повязкой
3) Прикованный незримой силой
Онъ съ новой <i>думой</i> сталъ зна-
комъ
(с. IX, стран. 12).	3) Онъ (=Демонъ, увидавъ Та-
мару), съ новой <i>грустью</i> сталъ
знакомъ.

Примѣч.: Грусть въ немъ была и ранне, а онъ сталъ знакомъ съ новою думой объ обновленіи.

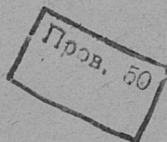
- 4) Питомецъ (=конь) нѣжный Ка- 4)
рабаха,
Прядеть *ушами*, полный стра- Прядеть *ушми* и полный
ха.... (с. X, стр. 13). страха....
- 5) Но презрѣлъ *удалой* женихъ 5) Но презрѣлъ *молодой* женихъ
Обычай прадѣдовъ своихъ.
(с. XI, стран. 14).
- 6) ... и выстрѣлъ снова, 6)
И дикій крикъ, и стонъ глухой
Промчались въ *тишинѣ* до-
лины.... (с. XI, стр. 14). ... въ *глубинѣ* долины
- 7) Лишь только ночь своимъ по- 7)
кровомъ
Долины ваши осѣнить.... ... *верхи Кавказа*
(с. XV, стр. 17).

8) То, что въ спискѣ Висковатова составляетъ строфу XVI-ю (заключительную) I-й части поэмы (въ печатномъ его изданіи въ III томѣ, стр. 19—20), въ прежнихъ спискахъ и изданіяхъ составляло VI-ю строфу уже II-й части, и выходило, что Тамара въ монастырь сгораетъ страстною тревогой. Но такая несообразность была еще и въ очеркѣ 1838 г. (полученномъ проф. Висковатовымъ отъ Лопухиной и изданномъ имъ же въ Рус. Вѣстн. 1889 г. книга 3, въ особомъ приложеніи на стран. 411—425; ср. въ изд. соч. Л—ва, т. III на стран. 94—106: «Пятый очеркъ»). Но затѣмъ поэтъ нашелъ, что такое настроеніе Тамары должно предшествовать удаленію ея въ монастырь, такъ какъ собственно оно-то и послужило побудительною причиною къ сокрытію себя молодою вдовою въ святой обители. Переносъ этой сцены самимъ поэтомъ является такимъ образомъ весьма характернымъ.

- 9) Но и въ монашеской одеждѣ, 9)
Какъ подъ узорною парчой,
Все *безпокойною мечтой* ... *беззаконною мечтой*
Въ ней сердце билось, какъ
прежде.
(Части II-й, стр. II, стран. 21).
- 10) На сѣверъ видны были горы. 10)
При блескѣ *утренней авроры*,
.....

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LIII, № 1.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ

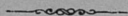

ОТДѢЛЕНІЯ

РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

1841—1891.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1892.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Январь 1892 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *А. Штраухъ*.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

1841—1891.

Высочайшій Рескриптъ на имя министра народнаго просвѣщенія, графа С. С. Уварова о присоединеніи Россійской Академіи къ Академіи Наукъ въ видѣ второго ея Отдѣленія, подписанъ Императоромъ Николаемъ въ Гатчинѣ 19-го октября 1841 года. Тогда же утверждено Государемъ и Положеніе объ Отдѣленіи русскаго языка и словесности. Поэтому день пятидесятилѣтія Отдѣленія падалъ, собственно, на 19-ое октября 1891 года. Но такъ какъ ко дню памятованія сліянія Россійской Академіи съ Академіею Наукъ должны были поспѣть разныя изданія, то оказывалось необходимымъ продлить срокъ ихъ приготовленія, къ чему представлялся весьма уважительный поводъ въ томъ обстоятельствѣ, что засѣданія второго Отдѣленія, по учрежденіи его, начались только въ 20-хъ числахъ декабря 1841 года. Въ виду этого рѣшено было перенести полувѣковой юбилей Отдѣленія на 29-ое декабря, какъ день, празднуемый ежегодно въ память основанія и самой Академіи Наукъ.

Въ этотъ день большая конференцъ-зала къ часу пополудни быстро наполнилась публикою, среди которой находились: министръ народнаго просвѣщенія графъ И. Д.

Деляновъ и товарищъ его князь М. С. Волконскій, члены Государственнаго совѣта: гр. Н. П. Игнатьевъ, К. Н. Посьеть, А. Е. Тимашевъ и П. И. Соломонъ; почетный опекунъ И. П. Карниловъ, лейбъ-медикъ Н. Ѳ. Здекауэръ, архіепископы: Сергій и Ѳеогностъ и епископъ Никандръ, настоятель Казанскаго Собора А. А. Лебедевъ, писатели: А. Н. Майковъ, Д. В. Григоровичъ и мн. др. Было и довольно много дамъ.

На эстрадѣ передъ каѳедрой занялъ свое кресло Августѣйшій президентъ Академіи, великій князь Константинъ Константиновичъ. Возлѣ Его Высочества помѣстились: съ правой стороны, вице-президентъ Академіи Я. К. Гротъ, съ лѣвой — непремѣнный секретарь А. А. Штраухъ. По обѣимъ сторонамъ отъ эстрады размѣстились академики всѣхъ трехъ Отдѣленій. Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности, ординарный академикъ Я. К. Гротъ, взоидя на каѳедру, произнесъ, съ нѣкоторыми сокращеніями, помѣщаемую ниже рѣчь, вызвавшую оживленныя рукоплесканія.

По окончаніи ея прочитаны были имъ же слѣдующія на имя Отдѣленія присланныя привѣтственные телеграммы:

Отъ попечителя Кавказскаго учебнаго округа К. П. Яновскаго, изъ Тифлиса.

„Привѣтствую Отдѣленіе русскаго языка и словесности Академіи Наукъ отъ Кавказскаго учебнаго округа и лично отъ себя по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія его дѣятельности, столь полезной по научной разработкѣ русскаго языка и литературы, съ пожеланіемъ ему и дальнѣйшаго плодотворнаго служенія наукъ“.

Отъ С. И. Пономарева, изъ Конотопа.

„Много лѣтъ пользуясь трудами Отдѣленія, благодарно приношу ему почтительный привѣтъ съ полусто-

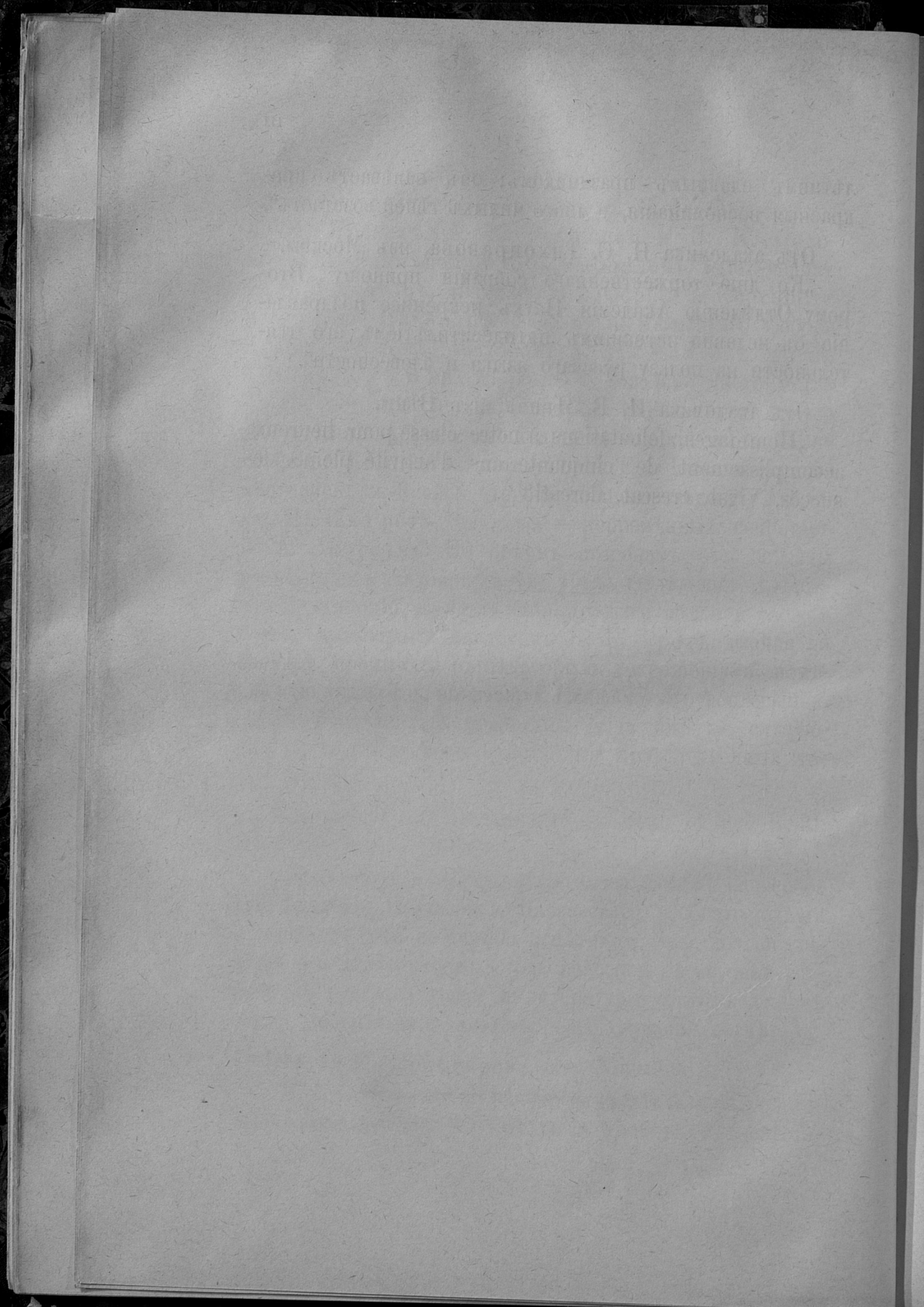
лѣтнимъ славнымъ праздникомъ; онъ навѣваетъ прекрасныя воспоминанія, и много милыхъ тѣней возстаетъ“.

Отъ академика Н. С. Тихонравова, изъ Москвы.

„Ко дню торжественнаго собранія приношу Второму Отдѣленію Академіи Наукъ искреннее поздравленіе съ недавно истекшимъ пятидесятилѣтіемъ его дѣятельности на пользу русскаго языка и словесности“.

Отъ академика И. В. Ягича, изъ Вѣны.

„Hommages, felicitations à notre classe pour heureux accomplissement de cinquante ans d'activité pleine de succès. Vivat, crescat, floreat!“

ОЧЕРКЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ЗА ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ ОТЪ 1841 ПО 1891 ГОДЪ.

Рѣчь Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Вице-президента Императорской Академіи Наукъ Я. К. Грота.

23 декабря 1841 года въ стѣнахъ Академіи Наукъ, просуществовавшей тогда стопятнадцать лѣтъ, происходило первое засѣданіе новаго въ составѣ ея учрежденія — Отдѣленія русскаго языка и словесности. Съ тѣхъ поръ прошло 50 лѣтъ. Отдѣленіе охотно соблюдаетъ обычай бросить взглядъ на свое прошлое, чтобы извлечь изъ него нѣсколько воспоминаній о своей дѣятельности, могущихъ заинтересовать просвѣщенныхъ соотечественниковъ, чтобы въ то же время уяснить самому себѣ, насколько оно исполнило свое назначеніе.

Начать говорить о нашемъ Отдѣленіи нельзя, не коснувшись напередъ его родоначальницы, Россійской Академіи; но такъ какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по случаю исполнившагося столѣтія съ основанія Россійской Академіи, ей посвящено было особое засѣданіе, въ которомъ нашъ почтенный сочленъ М. И. Сухомлиновъ подробно разсмотрѣлъ ея судьбы, то мы сегодня можемъ удовольствоваться краткой ея характеристикой. Учрежденная Екатериною II по образцу Французской Академіи,

она обязана была *очищать, обогащать и устанавливать* языкъ; для выполненія же этой задачи даны ей были такія силы, изъ которыхъ только весьма немногія были въ состояніи существенно послужить на пользу языка. Академія была составлена изъ 60-ти лицъ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній и разнообразнаго образованія: тутъ были представители высшаго духовенства, гражданскіе и военные сановники, писатели, поэты и лишь нѣсколько ученыхъ изъ числа членовъ Академіи Наукъ. Тѣмъ не менѣе возложенная на Россійскую Академію первая и главная задача — составленіе словаря — была выполнена, по отношенію ко времени, довольно удачно и притомъ въ сравнительно короткій срокъ: черезъ 11-ть лѣтъ словарь былъ уже не только составленъ, но и изданъ. Въ началѣ новаго столѣтія Академія издала и грамматику. Но въ остальное время своего почти 60-тилѣтняго существованія Россійская Академія не держалась никакой опредѣленной программы. Ея періодическія и другія изданія не имѣли никакой ясно сознанный цѣли. Одинъ изъ главныхъ предметовъ ея заботливости составляли переводы древнихъ и новыхъ писателей; но и въ этихъ трудахъ, въ выборѣ авторовъ для перевода, господствовала случайность. Болѣе положительнымъ направленіемъ отличались собственные, но къ сожалѣнію крайне неудачные труды по корнесловію послѣдняго президента Академіи, Шишкова. Правда, позднѣйшій періодъ ея существованія ознаменовался нѣсколькими полезными дѣлами: она вступила въ сношенія съ западно-славянскими учеными, издала Иліаду въ переводѣ Гнѣдича, Ключъ Строева къ исторіи Карамзина, отправила на свой счетъ Венелина въ Болгарію и оказала матеріальную поддержку автору извѣстнаго Корнеслова, Шимкевичу. Но, вообще говоря, дѣятельность Россійской Академіи и тогда не имѣла ни научнаго характера, ни литературнаго значенія. Считаая себя призванною быть «стражемъ языка» и «наставницей возрастающаго юношества», она поставила себя во враждебное отношеніе ко всему живому въ литературѣ и влачила едва замѣтно существованіе.

Такое состояніе указывало на необходимость коренного преобразования Россійской Академіи. Поводомъ къ упраздненію ея послужила смерть ея престарѣлаго президента, скончавшагося 10 апрѣля 1841 г. На докладѣ министра народнаго просвѣщенія, гр. Уварова, о смерти Шишкова императоръ Николай написалъ: «Представьте мнѣ проектъ соединенія Россійской Академіи съ Академіею Наукъ». Въ проектѣ своемъ Уваровъ предлагалъ учредить три академіи, а именно: Академію Наукъ въ тѣсномъ смыслѣ (*sciences exactes*), Академію русской словесности и Академію исторіи и филологіи. Всѣ три академіи должны были составлять одно цѣлое подъ названіемъ: «Императорскія Соединенныя Академіи». Но Государь не одобрилъ этого проекта и повелѣлъ, подъ общимъ названіемъ Академіи Наукъ, образовать три Отдѣленія, между которыми Отдѣленію русскаго языка и словесности назначилъ центральное мѣсто. Вслѣдствіе того учрежденъ былъ, подъ предсѣдательствомъ тогдашняго вице-президента Академіи Наукъ, кн. Дондукова-Корсакова, комитетъ изъ двухъ членовъ бывшей Россійской Академіи и двухъ же членовъ Академіи Наукъ. Государь находилъ, что дѣло ведется медленно и на одномъ изъ докладовъ министра написалъ: «Пора кончить съ дѣломъ Академіи. Я все жду». 14-го октября 1841 г. написаны были эти слова, а 19-го того же мѣсяца послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ на имя министра народнаго просвѣщенія о присоединеніи Россійской Академіи къ Академіи Наукъ въ видѣ второго ея Отдѣленія. Тогда же было утверждено Государемъ и Положеніе объ этомъ Отдѣленіи. Изъ прежняго учрежденія съ неопредѣленнымъ кругомъ дѣйствія и слишкомъ обширнымъ, разнообразнымъ составомъ создана была другая, менѣе многочисленная коллегія, но зато съ ясно выраженнымъ научнымъ назначеніемъ, которое состояло главнымъ образомъ въ изслѣдованіи русскаго языка и другихъ славянскихъ нарѣчій, и въ разработкѣ исторіи русской словесности, къ чему, въ видѣ второстепенныхъ предметовъ, приданы еще изящная словесность и отечественная исторія. Изъ шестидесяти членовъ бывшей Рос-

сійской Академіи двадцать были переименованы въ дѣйствительные члены Отдѣленія, остальные получили званіе почетныхъ его членовъ съ правомъ участвовать въ засѣданіяхъ. Такимъ образомъ составъ Отдѣленія все еще былъ довольно многочисленный и притомъ разнохарактерный, такъ какъ въ числѣ его членовъ были два, впрочемъ отсутствующіе, іерарха (Филаретъ, митроп. моск., и Иннокентій, архіеп. херс. и тавр.), поэты: Жуковский, кн. Вяземскій, Крыловъ и Вл. Панаевъ, а между учеными, каковы были: Арсеньевъ, Языковъ, Бередниковъ, Плетневъ и другіе, только одинъ, именно А. Х. Востоковъ, былъ въ строгомъ смыслѣ филологъ. При такомъ смѣшанномъ составѣ, Отдѣленіе получило организацію совершенно отличную отъ внутренняго устройства другихъ Отдѣленій, и только въ послѣдствіи, самою силою вещей, оно могло мало по малу выработать въ себѣ большее единство элементовъ, сообразное съ его назначеніемъ.

Согласно съ возложенною на него обязанностию и по примѣру Россійской Академіи Отдѣленіе прежде всего приступило къ изготовленію новаго изданія словаря, при чемъ опять рѣшено было обнять въ этомъ трудѣ не только всѣ періоды русскаго языка, начиная съ самаго древняго, но и церковнославянскій языкъ. Положивъ въ основаніе словарь Россійской Академіи, Отдѣленіе уже заранѣе опредѣлило въ точности объемъ и раздѣленіе своего труда: онъ долженъ былъ состоять изъ четырехъ частей, и составленіе каждой части поручено двумъ академикамъ. Въ каждое засѣданіе (а засѣданія происходили то по одному, то по два раза въ недѣлю) члены приносили корректурные листы, которые цѣликомъ прочитывались, подвергались обсужденію присутствующихъ и затѣмъ сообщались нѣсколькимъ академикамъ другихъ двухъ Отдѣленій и немногимъ постороннимъ ученымъ. Что касается примѣровъ изъ писателей, въ видѣ подтвержденія объясненій словъ, то Отдѣленію казалось, что они не такъ нужны для новаго языка, какъ для древняго, почему главныя старанія участвовавшихъ въ работѣ, именно академиковъ: Бередникова, Буткова и Полѣнова, и были направлены къ извлеченію при-

мѣровъ изъ старинныхъ актовъ и церковныхъ книгъ. Составленный такимъ образомъ словарь печатался въ числѣ 5000 экземпляровъ и изданъ уже въ 1847 г. подъ заглавіемъ: «Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка». Графъ Уваровъ поспѣшилъ поднести его Государю, и Отдѣленію выражена была Высочайшая благодарность.

Одновременно съ словаремъ предпринято было составленіе русской грамматики, и такъ какъ за это дѣло взялся членъ Отдѣленія, занимавшій кафедру въ Московскомъ университетѣ, именно И. И. Давыдовъ, то въ Москвѣ учреждена была временная коммиссія, въ которую назначены еще три проживавшіе тамъ академика, Погодинъ, П. М. Строевъ и Шевыревъ. Главнымъ дѣятелемъ въ этой коммисіи являлся предсѣдатель ея, Давыдовъ. Грамматика его издана была въ 1851 году подъ заглавіемъ: «Опытъ общесравнительной грамматики русскаго языка» и потомъ перепечатывалась еще два раза. Задумавъ положить въ основаніе своего труда, съ одной стороны, заимствованную у Беккера ложную теорію организма языка, а съ другой, сравнительно-историческій методъ, на которомъ построена грамматика Гримма, Давыдовъ не былъ въ состояніи провести ни того, ни другого начала, и грамматика его не приобрѣла значенія ни въ ученомъ, ни въ педагогическомъ мірѣ. Съ переводомъ его, въ 1847 г., въ Петербургъ, на должность директора Главнаго Педагогическаго института, московская коммиссія была закрыта.

Въ 1845 году Отдѣленіе предприняло новый коллективный трудъ. Доставленный капитанъ-лейтенантомъ С. И. Зеленымъ списокъ областныхъ словъ подалъ Отдѣленію мысль принять мѣры къ собранію подобныхъ реченій изъ всѣхъ мѣстностей Россіи. Для этой цѣли оно обратилось къ директорамъ губернскихъ гимназій, и въ непродолжительномъ времени получило отъ нихъ обширные списки областныхъ словъ. Приведеніе этихъ матеріаловъ въ порядокъ, обработка ихъ и приготовленіе къ изданію въ видѣ словаря было поручено Востокову. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ разсмотрѣніе этихъ словъ занимало большую

часть засѣданій Отдѣленія, и результатомъ былъ изданный въ 1852 г. «Опытъ областного великорусскаго словаря». Важность этого труда для русской филологіи была оцѣнена всѣми знатоками отечественнаго языка. Отдѣленіе просило ихъ отзывы и въ издававшихся имъ «Извѣстіяхъ» явились статьи наиболѣе уважаемыхъ въ то время русскихъ филологовъ, которые объяснили значеніе этого словаря для будущихъ успѣховъ изученія отечественнаго слова. Какимъ цѣннымъ приобрѣтеніемъ для нашей лексикографіи былъ областной словарь, доказалъ между прочимъ явившійся впоследствии «Толковый словарь» Даля, обязанный значительною частью своего громаднаго матеріала Областному словарю Академіи, къ которому въ 1858 году присоединилось еще «Дополненіе», обработанное также подъ редакцію Востокова.

Это славное имя подаетъ намъ поводъ посвятить нѣсколько словъ памяти старѣйшаго изъ нашихъ бывшихъ сочленовъ. Кому не извѣстны главныя черты біографіи уроженца острова Эзеля, Остенека, принявшаго въ молодости имя Востокова и сдѣлавшагося свѣтиломъ славянской филологіи для всѣхъ народностей этого племени? Востокову шель уже 62-й годъ, когда онъ, какъ лучшее достояніе Россійской Академіи, вмѣстѣ съ нею перешель въ составъ Академіи Наукъ. Я засталъ его уже 74-лѣтнимъ сѣдовласымъ старцемъ, отличавшимся необычайною скромностью и молчаливостью. Последнее свойство было слѣдствіемъ природнаго недостатка рѣчи, который въ значительной степени благопріятствовалъ его ученому призванію, заставляя его избѣгать общества и сосредоточиваться исключительно въ кабинетной жизни. При поступленіи моемъ въ Академію на четырнадцатомъ году существованія Отдѣленія, Востоковъ, который по старой привычкѣ, перенесенной имъ изъ Россійской Академіи, не пропускалъ ни одного засѣданія, каждый разъ приносилъ съ собой приготовленныя имъ къ печати въ алфавитномъ порядкѣ слова для областного словаря. Эти слова читались имъ и обсуждались прочими членами, которые или одобряли ихъ

безусловно, или принимали съ оговорками и измѣненіями, или наконецъ совсѣмъ отвергали ихъ. Такого рода редакціонныя задачи, возлагавшіяся на Востокова, сильно отвлекали его отъ составлявшихъ настоящее призваніе его занятій церковнославянскою филологіей. Такимъ же образомъ ему прежде, при составленіи общаго академическаго словаря, поручена была редакція 2-го тома. Передъ тѣмъ однакожъ, вскорѣ послѣ учрежденія Отдѣленія, именно въ 1842 г., онъ успѣлъ окончить два капитальные труда: изданіе Остромирова Евангелія, напечатаннаго насчетъ Академіи Наукъ, и Описанія рукописей Румянцовскаго музея. Мы знаемъ, въ какомъ близкомъ отношеніи Востоковъ, въ качествѣ хранителя, стоялъ къ этой богатой сокровищницѣ памятниковъ древности, благодаря проницательности просвѣщеннаго мецената, рано понявшаго, чего можно ожидать отъ этого великаго подвижника науки. Извѣстно, какъ Востоковъ, получившій скудное воспитаніе сперва въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, а потомъ въ Академіи Художествъ, думавшій избрать своей спеціальностью архитектуру, въ то же время страстно предавался поэзіи, но, повинаясь неодолимому влеченію къ филологіи, скоро изучилъ славянскія нарѣчія и древніе языки и сдѣлался глубокимъ изслѣдователемъ первыхъ. Въ 1820 году, когда ему было 40 лѣтъ, онъ обратилъ на себя вниманіе ученаго міра своимъ гениальнымъ «Разсужденіемъ о церковно-славянскомъ языкѣ», которымъ впервые указалъ на нѣсколько основныхъ законовъ этого языка и разомъ затмилъ извѣстнаго славянскаго филолога того времени, чеха Добровскаго. Въ ту именно пору, когда въ московскомъ ученомъ журналѣ появился этотъ знаменитый трудъ Востокова, онъ избранъ былъ въ члены Россійской Академіи. Но замѣчательно, что это было сдѣлано, при главномъ участіи президента Россійской Академіи Шишкова, не столько въ пониманіи значенія Востокова для науки, сколько изъ расчета пріобрѣсти въ немъ сторонника и пособника въ корнесловныхъ измышленіяхъ Шишкова. При этомъ обнаруживается одна изъ господствующихъ чертъ характера Востокова, —

его уступчивость и податливость въ отношеніи къ чужимъ мнѣніямъ, его неохота вступать въ какія-либо пререканія ради защиты своихъ убѣжденій. На приглашеніе Шишкова содѣйствовать ему въ его любимыхъ этимологическихъ упражненіяхъ Востоковъ отвѣчалъ: «Благодарю васъ при семъ особенно за любопытныя замѣчанія о словопроизводствѣ, коими ваше прев. изволили почтить меня въ письмѣ вашемъ... Я съ удовольствіемъ и съ пользою для себя читаю въ Извѣстіяхъ Рос. Ак. глубокія изслѣдованія ваш. пр. по части словопроизводства. Съ нетерпѣніемъ жду того времени, когда мнѣ позволено будетъ въ засѣданіяхъ академиковъ наслаждаться слушаніемъ бесѣды почтенныхъ моихъ сочленовъ о семъ любимомъ для меня предметѣ». Это свойство Востоковъ сохранилъ и въ старости. Высоко цѣнившій славнаго сотоварища, академикъ Срезневскій, въ статьѣ, посвященной оцѣнкѣ заслугъ Востокова ¹⁾, приписываетъ этой чертѣ его характера слабую сторону трудовъ, совершенныхъ имъ по части русской и церковнославянской грамматики. Срезневскій полагаетъ, что Востоковъ внесъ бы въ эти труды гораздо болѣе новаго, болѣе обстоятельность и полноту, еслибъ не опасался войти чрезъ то въ столкновеніе съ извѣстными представителями старой рутинной грамматики. Срезневскій тѣмъ не менѣе высоко ставитъ изданные Востоковымъ въ послѣднее десятилѣтіе его жизни краткую церковно-славянскую грамматику и церковно-славянскій словарь. Его собственно-филологическія изслѣдованія собраны были Срезневскимъ и изданы имъ подъ заглавіемъ: «Филологическія наблюденія» Востокова. Другимъ трудомъ, которымъ Срезневскій почтилъ его память, было собраніе его переписки, главнымъ образомъ съ гр. Румянцовымъ. Въ заключеніи своего обзора трудовъ Востокова Срезневскій говоритъ между прочимъ: «Сводя въ общемъ все, что сдѣлано было Востоковымъ въ продолженіе почти 60-и лѣтъ, пельзя забыть, что почти во все

¹⁾ См. «Обозрѣніе научныхъ трудовъ А. Х. Востокова» въ изданіи: *Торжественное Собраніе Императорской Академіи Наукъ 29 декабря 1864 года*, in-4°. Спб. 1865.

это время онъ оставался одинаково дѣятельнымъ. Только болѣзнь и въ послѣднее время ослабленіе зрѣнія могли его заставить отложить трудъ. Онъ такъ привыкъ трудиться, что безъ труда скучалъ, что читалъ всегда, когда приличіе позволяло, при гостяхъ и въ гостяхъ, и дѣлалъ письменныя замѣтки и тогда, когда уже, по ослабленіи зрѣнія, не могъ слѣдить за писаннымъ».

Срезневскій принадлежалъ Отдѣленію 31 годъ и въ лѣтописяхъ его долженъ занять почетное мѣсто рядомъ съ Восточнымъ. Блестящимъ появленіемъ Срезневскаго на поприщѣ славяновѣдѣнія наука обязана одной изъ самыхъ плодотворныхъ мѣръ министерства гр. Уварова—учрежденію при русскихъ университетахъ кафедръ исторіи и литературы славянскихъ народовъ. Это было въ 1835 году. Срезневскій, кончивъ курсъ наукъ въ Харьковскомъ университетѣ, когда ему было только 17 лѣтъ, готовился сначала къ преподаванію статистики и политической экономіи, и уже въ званіи адъюнкта съ громкимъ успѣхомъ читалъ лекціи по этимъ предметамъ, по недопущенію его къ защитѣ докторской диссертациі, которая показала факультету слишкомъ несогласною съ обычными взглядами, дало другой оборотъ судьбѣ его. Уже въ это время онъ обратилъ на себя вниманіе занятіями народною словесностью, издавъ Украинскій Альманахъ, Словацкія пѣсни и Запорожскую Старину, и въ 1839 году командированъ былъ за границу для изученія славянскихъ нарѣчій. Черезъ два года онъ возвратился съ большимъ запасомъ свѣдѣній по славянской филологіи и этнографіи, пріобрѣтенныхъ имъ не изъ книгъ втиши кабинета, а въ самыхъ центрахъ народной жизни, въ сношеніяхъ съ лучшими представителями славяновѣдѣнія. Съ такимъ неистощимымъ матеріаломъ явился онъ преподавателемъ этой новой въ Россіи науки сперва въ Харьковѣ, гдѣ онъ въ 1846 г. защитилъ свою докторскую диссертацию «о языческомъ богослуженіи древнихъ славянъ», а потомъ въ Петербургѣ, куда онъ вскорѣ былъ переведенъ по собственному желанію на открывшуюся по

смерти Прейса вакансію. Съ самаго своего возвращенія изъ славянскихъ земель, Срезневскій, являясь въ журналахъ со статьями разнообразнаго содержанія, сталъ приобрѣтать болѣе и болѣе извѣстности. Когда во второмъ Отдѣленіи Академіи очистилось мѣсто по смерти военного историка Михайловскаго-Данилевскаго, Срезневскій былъ избранъ въ адъ-юнкты и 8 апрѣля 1849 г. утвержденъ въ этомъ званіи.

Нельзя не признать, что Срезневскій внесъ новую жизнь въ Отдѣленіе. Въ то время оно занималось приготовленіемъ изданія Областного Словаря. Участіе въ этомъ дѣлѣ такого знатока русскаго слова не могло остаться безъ вліянія на достоинство труда, къ пополненію котораго онъ способствовалъ и доставленіемъ съ своей стороны новаго матеріала. Почти одновременно съ появленіемъ этого словаря Срезневскій положилъ основаніе двумъ періодическимъ изданіямъ. По примѣру двухъ другихъ Отдѣленій Академіи, издававшихъ для мелкихъ текущихъ статей *Bulletin*, а для трудовъ бѣльшаго объема — *Mémoires*, 2-ое Отдѣленіе предприняло также изданіе: во 1-хъ, *Извѣстій*, а во 2-хъ, *Ученыхъ Записокъ*. Разнообразіе содержанія *Извѣстій* сразу обратило на нихъ вниманіе публики и уже первый выпускъ встрѣтилъ такой успѣхъ, что потребовалось вновь издать его. Особенный интересъ этому изданію придавалъ библіографическій отдѣлъ, который составлялся исключительно самимъ редакторомъ и сообщалъ свѣдѣнія о важнѣйшихъ явленіяхъ филологической литературы какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ славянскихъ земляхъ. Къ «Извѣстіямъ» вскорѣ были присоединены два приложенія, именно: *Памятники народнаго языка и словесности* и *Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго словаря русскаго языка и другихъ славянскихъ нарѣчій*. Въ первомъ помѣщались произведенія народнаго творчества, къ собиранію которыхъ призывались всѣ любители словесности; содержаніе второго видно изъ самаго заглавія его. Въ немъ приняли участіе нѣкоторые посторонніе ученые, и замѣчательны особенно объясненія словъ восточнаго происхожденія, сообщенныя профессорами: Березинымъ, Гри-

горьевымъ, Казембекомъ и Ковалевскимъ. Изданіе «Извѣстій» не мѣшало Срезневскому посвящать труды свои изслѣдованіямъ по исторіи русскаго и церковнославянскаго языка, обнаруженію и объясненію памятниковъ древней письменности и рѣшенію разныхъ археологическихъ вопросовъ. Труды его такъ многочисленны, что мы въ этомъ бѣгломъ очеркѣ принуждены ограничиться однимъ указаніемъ на важнѣйшіе изъ нихъ. Нельзя не упомянуть его «Мыслей объ исторіи русскаго языка», напечатанныхъ имъ при университетѣ вскорѣ по поступленіи въ члены Академіи, его обширнаго «Обозрѣнія древнихъ памятниковъ русскаго письма и языка», его «Свѣдѣній и замѣтокъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ». Десять лѣтъ продолжалъ онъ изданіе «Извѣстій», составившихъ такимъ образомъ 10 томовъ. Несмотря на протекшее съ тѣхъ поръ время, многое изъ напечатаннаго въ нихъ и теперь не утратило своей цѣны и долго еще будетъ сохранять свое значеніе для занимающихся славянорусской филологіей. Поводомъ къ прекращенію изданія «Извѣстій» было то, что въ 1863 году при Академіи былъ основанъ ученый органъ на русскомъ языкѣ для всѣхъ трехъ Отдѣленій подъ названіемъ «Записокъ Императорской Академіи Наукъ». Вскорѣ однакожь второе Отдѣленіе пришло къ убѣжденію, что для удобства какъ его самого, такъ и читающей публики необходимо, рядомъ съ Записками, имѣть изданіе, въ которомъ появлялись бы особо труды членовъ этого Отдѣленія. Съ 1867 года оно стало издавать свой *Сборникъ*, котораго и вышло до сей поры 52 тома. Со времени прекращенія «Извѣстій», въ направленіи изысканій Срезневскаго произошла нѣкоторая перемѣна: онъ сталъ преимущественно заниматься палеографіей. Но былъ одинъ трудъ, начатый имъ очень давно и котораго онъ не оставлялъ посреди всѣхъ другихъ своихъ занятій, именно приготовленіе матеріаловъ для словаря древнерусскаго языка. Лѣтъ за 12 до своей кончины онъ даже приступилъ къ печатанію этого словаря, но вскорѣ убѣдился, что трудъ этотъ еще не былъ достаточно обработанъ, и оставилъ его неконченнымъ. Отдѣленіе, уви-

дѣвъ въ этомъ трудѣ дорогое наслѣдіе своего незабвеннаго сочлена, признало своею обязанностію озаботиться изданіемъ этого памятника его учености и трудолюбія. Оно нашло свѣдущую сотрудницу въ достойной дочери академика, Ольгѣ Измайловнѣ, которая вмѣстѣ съ А. О. Бычковымъ и ведетъ это дѣло безостановочно. За годъ до смерти Срезневскаго, именно 5 апрѣля 1879 г., былъ отпразднованъ 50-тилѣтній юбилей его славной ученой дѣятельности, при чемъ торжественно выразилось полное признаніе заслугъ его отечественной наукѣ со стороны не только ученаго міра, но и всего образованнаго русскаго общества. Съ конца 70-хъ годовъ силы Срезневскаго стали замѣтно упадать; ему уже трудно было ходить пѣшкомъ въ Академію, и 9-го февраля 1880 года, послѣ кратковременной болѣзни, его не стало. Глубоко сочувственный некрологъ его съ подробнымъ указаніемъ всѣхъ главныхъ трудовъ Срезневскаго былъ составленъ А. О. Бычковымъ и помѣщенъ въ отчетѣ Отдѣленія за 1880 годъ.

Изъ числа умершихъ членовъ Отдѣленія, мы должны остановиться на Билярскомъ и Пекарскомъ, которые, хотя и не долго принадлежали ему, но принимали дѣятельное участіе въ выполненіи задачъ его. П. С. Билярскій избранъ былъ въ званіе адъюнкта въ 1860 году. Вскорѣ послѣ отпразднованія юбилея Ломоносова въ 1865, болѣзненное состояніе нашего сочлена заставило его искать облегченія на югѣ, въ Одессѣ, куда онъ былъ приглашенъ на кафедру въ новоучрежденный университетъ; но уже черезъ два года смерть положила конецъ его трудовой и долгое время трудной жизни. Ученыя занятія его были главнымъ образомъ посвящены изслѣдованіямъ по древнеславянскому языку. Эти занятія убѣдили его, какъ важно изученіе языка болгарскихъ рукописей для объясненія исторіи церковнославянскаго. Плодомъ этого взгляда было замѣчательное сочиненіе его «О средне-болгарскомъ вокализмѣ». Затѣмъ онъ издалъ свое изслѣдованіе о знаменитомъ Реймскомъ евангеліи. Къ числу важнѣйшихъ трудовъ его принадлежалъ переводъ одного изъ

основныхъ произведеній новѣйшей филологіи, именно творенія Вильгельма Гумбольдта «О различіи организма человѣческаго слова». «Кромѣ важности содержанія (говорить Никитенко въ некрологѣ Билярскаго), эта книга имѣетъ для нашей литературы еще то особенное значеніе, что представляетъ прекрасный образецъ точнаго и искуснаго изложенія на русскомъ языкѣ самыхъ утонченныхъ философскихъ понятій». Послѣднимъ академическимъ трудомъ Билярскаго былъ объемистый томъ матеріаловъ для біографіи Ломоносова, извлеченныхъ имъ изъ архивовъ Академіи Наукъ, и изданный ко дню празднованія столѣтняго Ломоносовскаго юбилея.

Дѣятельность П. П. Пекарскаго въ званіи академика продолжалась всего 9 лѣтъ, но, благодаря необычайному трудолюбію его, результаты ея были обильны и замѣчательны. Родясь въ Оренбургскомъ краѣ въ 1828 г., онъ получилъ высшее образованіе въ Казанскомъ университетѣ и началъ службу на родинѣ. Благопріятныя обстоятельства помогли ему, 22-хъ лѣтъ отроду, переселиться въ Петербургъ и пристроиться въ министерствѣ финансовъ, откуда лѣтъ черезъ десять ему удалось перейти въ Государственный архивъ и тамъ, по выходѣ В. И. Ламанскаго, занять мѣсто старшаго архиваріуса. Это былъ чрезвычайно важный въ его службѣ шагъ, поставившій его у самаго источника свѣдѣній, отысканіе которыхъ составляло главную цѣль его труженической жизни. Литературная извѣстность Пекарскаго началась съ перваго времени его пребыванія въ Петербургѣ: онъ тогда уже избралъ своею спеціальностью исторію русскаго образованія, особенно въ XVIII вѣкѣ, и остался ей вѣренъ до конца; первыя статьи его стали появляться въ Современникѣ и въ Отечественныхъ Запискахъ. Двери въ Академію открылъ ему обширный и многолѣтній трудъ «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В.», увѣнчанный въ 1862 г. полною Демидовскою преміей: уже въ слѣдующемъ году Пекарскій былъ избранъ въ адъюнкты по Отдѣленію русскаго языка и словесности. Незадолго передъ тѣмъ былъ напечатанъ имъ первый зна-

чительный трудъ его, обязанный своимъ происхожденіемъ службѣ автора въ Государственномъ архивѣ, — собраніе матеріаловъ относительно пребыванія при русскомъ дворѣ французскаго посланника Де-ла-Шетарди. Съ поступленіемъ въ Академію Пекарскому открылся въ ея архивахъ новый, богатый источникъ изслѣдованій, при помощи котораго начался цѣлый рядъ составленныхъ имъ монографій, какъ-то: «Екатерина и Эйлеръ», «Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II»; «Путешествіе ак. Делиля въ Березовъ», «Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова», «Жизнь и литературная переписка Рычкова», «Новыя извѣстія о Татищевѣ», «Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ», т. е. въ «Ежемесячныхъ сочиненіяхъ», которыя издавалъ академикъ Миллеръ. Сверхъ того Пекарскій, въ началѣ своей академической дѣятельности, разобралъ оставшіяся послѣ Арсеньева бумаги историческаго содержанія, которыя тогда же были имъ напечатаны и заняли цѣлый томъ издаваемого Отдѣленіемъ Сборника.

Вскорѣ по вступленіи Пекарскаго въ Академію ему предложено было взять на себя составленіе исторіи этого учрежденія. Съ обычной энергіей принялся онъ за новый трудъ, но успѣлъ разработать только первый періодъ исторіи Академіи, до начала царствованія Екатерины II. Своему изложенію онъ далъ форму біографій президентовъ и членовъ Академіи, общую же жизнь ея онъ обозрѣваетъ только въ краткомъ очеркѣ, предпосланномъ этимъ жизнеописаніямъ. Трудъ его составилъ два большіе тома, изъ которыхъ второй содержитъ въ себѣ только двѣ обширныя біографіи: Тредіаковскаго и Ломоносова. Служба Пекарскаго въ Государственномъ архивѣ подала поводъ къ возложенію на него еще другого важнаго порученія. По мысли августѣйшаго предсѣдателя Русскаго Историческаго Общества, нынѣ царствующаго Государя Императора, въ то время Цесаревича Александра Александровича, предпринято было изданіе бумагъ императрицы Екатерины II, и Пекарскій избранъ ре-

дакторомъ этого собранія драгоцѣнныхъ историческихъ актовъ. И тутъ работа закипѣла подъ руками опытнаго издателя: въ короткое время выпущенъ былъ 1-й томъ, 2-й быстро подвигался къ концу, когда нашему товарищу пришлось въ цвѣтѣ лѣтъ окончить расчеты съ жизнію. Неоспоримыя достоинства всѣхъ ученыхъ трудовъ Пекарскаго заключаются въ обилии новыхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ первыхъ источниковъ, въ точности и достовѣрности всѣхъ его изслѣдованій, въ которыхъ онъ неизмѣнно руководствовался самою осторожною критикою и которыя навсегда доставили ему почетное мѣсто въ исторіи русской литературы и нашей Академіи.

Обратимся теперь къ двумъ изъ прежнихъ членовъ нашего Отдѣленія, дѣятельность которыхъ отличалась совершенно другимъ характеромъ, чѣмъ дѣятельность тѣхъ, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили. П. А. Плетневъ и А. В. Никитенко занимали каѳедру русской литературы въ здѣшнемъ университетѣ. Они не оставили важныхъ ученыхъ трудовъ, но тѣмъ не менѣе приносили Отдѣленію не маловажную пользу. Плетневъ вошелъ въ составъ Отдѣленія при самомъ учрежденіи его, а въ 1859 г., по выбытіи И. И. Давыдова, былъ назначенъ предсѣдательствующимъ. По смерти его, послѣдовавшей 29 декабря 1865 г., сочиненія его и переписка были изданы Отдѣленіемъ въ трехъ томахъ, главное содержаніе которыхъ составляютъ критическія статьи, въ свое время появившіяся въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Принадлежа всѣми симпатіями своими къ карамзинской школѣ, Плетневъ отличался тонкимъ эстетическимъ чувствомъ и вкусомъ, которые позволяли ему глубоко понимать и оцѣнивать поэтическія красоты въ произведеніяхъ его друзей, Жуковскаго, Пушкина и князя Вяземскаго. По смерти Пушкина онъ принялъ на себя продолженіе изданія основаннаго поэтомъ «Современника», но, не обладая необходимыми для журналиста свойствами, пренебрегая нужными для успѣха приемами и чуждаясь всякой полемики, онъ не могъ придать своему изданію того живого интереса, которымъ об-

условливается пріобрѣтеніе сочувствія многочисленныхъ читателей. Занимая въ продолженіе болѣе 20 лѣтъ сряду должность ректора Петербургскаго университета, Плетневъ не находилъ достаточнаго досуга для постояннаго участія въ изданіяхъ Отдѣленія, но во всѣхъ встрѣчавшихся вопросахъ онъ содѣйствовалъ успѣшному рѣшенію ихъ своимъ разумнымъ и вѣскимъ словомъ. Особеннаго же рода услугу оказывалъ онъ Отдѣленію добровольнымъ принятіемъ на себя составленія ежегодныхъ отчетовъ о дѣятельности нашей коллегіи. Длинный рядъ ихъ идетъ съ самаго учрежденія его, и весь первый томъ собранія этихъ отчетовъ принадлежитъ исключительно перу Плетнева. Имъ же написана и значительная часть отчетовъ 2-го тома. Послѣдній трудъ его въ этой серіи относится къ 1860 году, т. е. ко времени, близкому къ началу болѣзни, которая заставила его большую часть послѣднихъ лѣтъ жизни проводить за границей и наконецъ, въ Парижѣ, свела его въ могилу. Чтобы вполне оцѣнить, какъ много Плетневъ потрудился въ этой скромной области полуофіціальной литературы, надобно вспомнить, что онъ въ то же время составлялъ отчеты и по университету, въ качествѣ его ректора. Въ тѣхъ и другихъ онъ придавалъ наибольшую цѣну некрологамъ или очеркамъ біографій умершихъ дѣятелей, которые составлялъ съ большимъ тщаніемъ. Такъ въ 1 томѣ отчетовъ Отдѣленія мы находимъ между прочимъ составленные имъ извѣстія о жизни: Бороздина, Каченовскаго, Крылова, Прокоповича-Антонскаго, кн. Шаховскаго, Дм. И. Языкова. Главный трудъ Плетнева въ этомъ родѣ была обширная рѣчь, посвященная памяти гр. Уварова и прочитанная имъ въ годичномъ засѣданіи Академіи Наукъ въ 1855 году.

Такого же рода заслугу передъ нашимъ Отдѣленіемъ имѣетъ и А. В. Никитенко, который, по смерти Плетнева, всѣхъ чаще являлся на академической каодрѣ для ознакомленія общества съ дѣятельностью Отдѣленія. Но Никитенко принялъ на себя еще и другую обязанность: при обсужденіи драматическихъ сочиненій, поступавшихъ на соисканіе наградъ гр. Уварова, Никитенку,

И звучный колокола гласъ
Дрожитъ, обитель пробуждая,
Въ торжественный *восхода*
часъ;

Въ торжественный и мирный
часть

А въ часъ *заката* одѣвались
Онѣ (=горы) румяной пеленой.
(с. IV, стр. 22—23).

Примѣчаніе: тутъ очевидно противоположеніе часа *восхода* солнца и *заката*.

11) Не ангелъ ли съ забытымъ 11)
другомъ

Вновь повидаться захотѣль,
Сюда украдкою слетѣль,
И о быломъ ему пропѣль,
Чтобъ усадить его томленье? ... мученье

(с. VI, стр. 25)

12) Тамара: О, кто ты? Рѣчь твоя 12) ... *ужасна*
опасна!
(с. IX, стр. 28).

13) Я *богъ* рабовъ моихъ земныхъ, 13) Я *бичъ*
Я царь познания и свободы,
Я врагъ небесъ, я зло при-
роды....
(с. IX, стр. 29).

Примѣчаніе. Въ корректурномъ листѣ 1842 г., когда начать былъ наборъ поэмы для Отечественныхъ Записокъ, тоже было *богъ*, но рукою А. А. Краевского переправлено на стереотипное *бичъ*. (Корректурные листы эти сохранились, и нынѣ находятся въ Лермонтовскомъ музеѣ).

14) Я все бывшее бросилъ въ прахъ; 14)
И адъ и рай въ твоихъ очахъ! Мой адъ, мой рай...
 Люблю тебя....
 (с. IX, стр. 30).

15) Нѣтъ! дай мнѣ клятву роковую... 15)
Скажи—ты видишь, я тоскую,
Ты *знаешь* женскія мечты! Ты *видишь*...
(с. X, стр. 34).

16) И будешь ты царицей міра, 16)
 Подруга *въчная* моя... ... *первая*
 (с. X, стр. 36).

17) Смертельный ядъ его лобзанья 17)
 Мгновенно въ *кровь* ея про- ... въ *грудь*
 никъ...
 (с. XI, стр. 38).

18) *Мучительный, но слабый крикъ* 18) ... *ужасный крикъ*
 Ночное возмутилъ молчанье...
 Въ немъ было все: любовь,
 страданье,
 Упрекъ съ послѣднею мольбой
 И безнадежное прощанье —
 Прощанье съ жизнью молодой...
 (с. XI, стр. 38).

19) Всей XV-й строфы въ изданіи 1887 г. Сочиненій Лермонтова нѣтъ, а нѣкоторыхъ стиховъ означенной строфы и вовсе не было до сихъ поръ въ печати, другіе помѣщались лишь въ вариантахъ и принадлежатъ списку 1838 года (ср. изд. Рихтера т. III, стр. 105 внизу). Вотъ напр. какое окончаніе этой строфы въ спискѣ 1840—1841 гг. (Висковатова):

.....
 Замолкъ и за скалой сосѣдней
 Рыданій горькихъ звукъ послѣдній...
 Подковы стукъ и шумъ шаговъ,
 Рѣдѣвшій откликъ голосовъ,
 Все ниже, дальше замирали...
 А тучи грозно окружали
 Тамары хладную постель —
 Вдругъ разыгралася метель —
 И громче хищнаго шакала
 Она завыва въ небесахъ,
 И бѣлымъ прахомъ заметала
 Родной скалѣ врученный прахъ.
 (с. XV, стр. 41).

20) И у воротъ ея стоятъ 20)
 На стражѣ черные граниты,
Плащами снѣжными покрыты. *Пластами бѣлыми* покрыты...

И на груди ихъ, вмѣсто латъ,
 Лѣды вѣковѣчныя горятъ.
 (Эпилогъ стр. 45).

Среди массы разнаго рода поправокъ, предлагаемыхъ спискомъ проф. Висковатова, къ прежде печатавшимся текстамъ, меньшее вниманіе гг. присутствующихъ привлекли также и слѣдующія отдѣльныя мѣста поэмы:

1) относительно упомянутаго уже выше стиха (въ IV строфѣ I-й части, см. въ изд. Висковатова, въ III томѣ 8 стр.):

«Столпообразныя *раины*»

высказано было сомнѣніе, не слѣдуетъ-ли читать: «*руины*». Недоумѣніе это приобрѣтало особенное значеніе въ виду того, что до послѣдняго времени во всѣхъ изданіяхъ, выходившихъ подъ редакціей Дудышкина и Ефремова, издатели ставили вм. слова: «*раины*» — *руины* и отстаивали свое чтеніе, хотя критика и находила его неправильнымъ (см. ст. Н. Н. Страхова въ сборникѣ: «Складчина». Спб. 1874, стр. 580), такъ какъ въ Грузіи нѣтъ «столпообразныхъ» *руинъ*. Слово «*раины*» смущало и критиковъ, и редакторовъ. Въ списокѣ г. Висковатова переписчикъ видимо тоже колебался: избѣгая ошибки, пропустилъ это слово совсѣмъ, а затѣмъ, справясь, вписалъ *раины*. Поэтъ же счелъ нужнымъ сдѣлать выноску, и въ примѣчаніи пояснить: «Столпообразная или пирамидальная тополь», что также написано рукою переписчика, но болѣе тонкимъ почеркомъ. Впрочемъ и въ рукописи 1838 г. (Висковатова) и даже въ списокѣ Квиста, котораго преимущественно держались при изданіяхъ Дудышкинъ и г. Ефремовъ, тоже дано «*раины*», почему въ Кушнеревскомъ изданіи (московск. иллюстрированномъ, 1891 г.) оно введено уже и въ текстъ г. Ефремовымъ, ранѣе тоже оспаривавшимъ правильность такого чтенія. Въ ботаническомъ словарѣ Анненкова «*раиной*» названъ *Populus pyramidalis*.

2) Далѣе стихъ списка г. Висковатова (въ печатномъ изданіи имъ редактирован. на стр. 27, въ строфѣ VIII):

(Демонъ) «Подъ *чарой* ясной благостыни
 Я счастье лучшихъ дней ловлю!»,

на который критика указывала, какъ на стихъ не *Лермонтовскій* потому будто бы, что слово *чары* обыкновенно не употребляется

въ единственномъ числѣ (иначе, какъ въ значеніи «чаши, сосуда»), не былъ признанъ заслуживающимъ осужденія по той причинѣ, что — какъ замѣтилъ Я. К. Гротъ — для употребленія слова *чары* (въ значеніи волшебства) исключительно во множественномъ числѣ нѣтъ достаточнаго основанія, и притомъ примѣръ употребленія этого слова въ томъ же смыслѣ въ единственномъ числѣ уже встрѣчается у Ап. Н. Майкова, именно въ стихотвореніи «У Мраморнаго моря». (Собр. соч. изд. 1889 г. т. III, стр. 443):

«Какъ будто свѣтлая, серебряная чара
На міръ наведена» ¹⁾).

Измѣненный въ изданіи проф. Висковатовымъ стихъ (въ его изданіи стр. 19, строфа XV):

«Онъ былъ похожъ на вечеръ ясный,
Ни день, *ни* ночь, *ни* мракъ, *ни* свѣтъ!»

на:

«*На* день, *на* ночь, *на* мракъ, *на* свѣтъ!»

признается за недосмотръ и самимъ издателемъ, что неправильно помѣщено въ текстѣ вмѣсто того, чтобы стоять варіантомъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ спискахъ, дѣйствительно, находится:

«На день, на ночь».... и т. д.

Въ рукописномъ текстѣ поэмы, найденномъ г. Висковатовымъ, стоитъ ясно:

«*Ни* день, *ни* ночь».... и т. д.,

что представляется совершенно правильнымъ, тогда какъ употребленіе предлога *на* въ этомъ стихѣ если и возможно, то лишь безъ прямого указанія предыдущаго стиха:

«Онъ былъ похожъ на вечеръ ясный».

¹⁾ Наконецъ, оказывается, что слово *чара* въ этомъ же значеніи, несомнѣнно самимъ Лермонтовымъ употреблено въ другомъ мѣстѣ, именно въ poemѣ: *Аула Бастунджы*, гдѣ въ 27-й строфѣ 2-й части встрѣчаются стихи:

Узналъ-ли ты, несчастный Акбулатъ,
Свою жену, подругу жизни старой?
Чей сладкій голосъ, чей веселый взглядъ
Былъ одаренъ невѣдомою *чарой*...

Соч. Лерм., изд. Рихтера, т. II, стр. 67.

Въ заключеніе своего доклада П. А. Висковатовъ, указавъ на мѣсто, которое должна бы занять въ ряду другихъ найденная имъ редакція поэмы Лермонтова, обратилъ вниманіе собранія на то обстоятельство, что поэтъ, съ каждой новой обработкой излюбленной своей поэмы, мало-по-малу переходилъ отъ личнаго, чисто субъективнаго творчества къ эпическому.

Ап. Н. Майковъ присовокупилъ къ послѣднему замѣчанію докладчика, что поэтъ, переходя отъ юношескихъ порывовъ къ болѣе зрѣлому творчеству, сталъ замѣчать въ первыхъ очеркахъ своей поэмы отсутствіе какой-либо нравственной основы и потому не удовлетворился ими; изъ дальнѣйшихъ его поправокъ видно, что онъ ищетъ этой основы, хочетъ дать *идею* своей поэмѣ, и вотъ мало-по-малу подходитъ къ идеѣ искупленія. Въ этомъ духѣ и произведены имъ въ текстѣ всѣ перемѣны и перестановки, съ которыми можно познакомиться изъ вновь найденной рукописи. И нѣтъ сомнѣнія, что, если бы Лермонтовъ пожилъ долѣе, то еще болѣе разработалъ бы и выяснилъ эту идею.

Ко всему этому Л. Н. Майковъ прибавилъ, что при недостаточности и малой разработанности критическаго матеріала, трудно рѣшить, къ какому году отнести редакцію поэмы, находящуюся въ рукописи г. Висковатова, но что эта редакція, безъ сомнѣнія, позже той, гдѣ рукою поэта приписаны цѣлыя строки и помѣченъ годъ 1838 и т. п., то-есть, что вновь найденная редакція можетъ быть, по всей вѣроятности, отнесена къ 1839 или 1840 г. и должна быть признана во всякомъ случаѣ позднѣйшею, какая намъ доступна, редакціей поэмы «Демонъ», хотя, при всемъ томъ, не можетъ быть почитаема за окончательную.

Достоверность вновь найденнаго списка была признана всѣми присутствующими; при чемъ относительно самой рукописи 1840—41 года было заявлено сожалѣніе, что почти всѣ карандашныя поправки совершенно исчезли вслѣдствіе покрытія ихъ лакомъ, а онѣ могли бы служить подкрѣпленіемъ того, что рукопись находилась въ рукахъ Лермонтова и имъ была исправлена. Но, признавая напечатанную проф. Висковатовымъ за несомнѣнно послѣднюю изъ числа извѣстныхъ до сихъ поръ и притомъ лучшую переработку поэмы самимъ Лермонтовымъ, всѣ признали, что, если бы продолжилась жизнь поэта, онъ, конечно, на этомъ не остановился бы и, очень можетъ быть, еще разъ рѣшился бы на передѣлку или исправку поэмы. Послѣднюю намъ извѣстную передѣлку, указывающую на совершенно новую концепцію сюжета, не только намѣчен-

ную, но частію и выполненную, представляетъ найденный г. Висковатовымъ списокъ.

Его Императорское Высочество Августѣйшій президентъ Академіи Наукъ и всѣ присутствовавшіе поздравили проф. Висковатова съ счастливою находкою, увѣнчавшею многолѣтній его трудъ по изученію исторіи творчества М. Ю. Лермонтова и собиранію матеріаловъ для составленной имъ обширной біографіи поэта. Докладчикъ передалъ тутъ же обѣ рукописи 1838 и 1840—41 г. и матеріаль свой академику А. Ѳ. Бычкову, какъ даръ съ его стороны Императорской Публичной бібліотекъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

Римованныя легенды

О СВЯТОМЪ ГЕОРГІИ ВЪ ЧЕШСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

(Борисъ Фед. Прусикъ).

Въ двадцать первомъ томѣ «Сборника Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ» напечатанъ трудъ г. Веселовскаго «Св. Георгій въ легендѣ, пѣснѣ и обрядѣ».

Въ то время г. Веселовскій не могъ, конечно, знать никакой подобной чешской легенды потому, что до 1881 г. въ нашей литературѣ извѣстны были лишь два отрывка: Вратиславскій (Бреслав.) и пражскаго капитула.

Этотъ послѣдній найденъ былъ г. Патерой въ 1879 г. и въ 1881 г. ему же принадлежитъ открытіе третьяго отрывка въ библіотекѣ пражскаго университета.

Наконецъ въ 1887 г. г. Патера нашелъ въ библіотекѣ церкви св. Якова въ Брнѣ (Брюнѣ) *полную легенду о св. Георгіи*.

Вотъ и все, что о св. Георгіи до сихъ поръ извѣстно на чешскомъ языкѣ; объ этихъ памятникахъ я и желалъ бы высказать нѣсколько словъ.

Извѣстные намъ четыре текста представляютъ двѣ редакціи (одна въ прозѣ, вторая въ стихахъ):

1. Одной принадлежитъ отрывокъ въ библіотекѣ пражскаго капитула и Вратиславскій.

2. Второй Брненская рукопись и отрывокъ университетскій.

1. а) **Отрывокъ въ библіотекѣ пражскаго капитула** состоитъ изъ 3 пергаменныхъ полосъ (24¹/₂ строкъ), списанныхъ, какъ кажется, въ началѣ XIV столѣтія по латинской рукописи «св. Гавельской».

Отрывокъ содержитъ въ себѣ §§ 1—3, 15—17 латинской легенды, но съ такими пробѣлами, что не можемъ передать его содержанія.

Напечатанъ вмѣстѣ съ латинской легендой въ Музейникъ (Saporiš Českého Musea) 1881, стр. 276—7.

б) **Вратиславскій отрывокъ**, содержащій продолженіе латинской легенды, состоитъ изъ 2 листовъ. Текстъ писанъ прозой, но съ римами, стало быть это только списокъ болѣе древней римованной легенды.

Содержитъ въ себѣ §§ 12 (конецъ), 13, 14 (начало) и 15—17 латинской легенды.

Начинается съ разсказа о томъ, какъ св. Георгій воскресилъ околѣвшаго быка одной бѣдной женщины. Всѣ славятъ Бога за это чудо, только короли (у Даціана) сердятся и говорятъ святому, что если онъ воскреситъ и мертвецовъ, они увѣруютъ въ Бога христіанскаго.

Св. Георгій воскресилъ 5 мужей, 10 женъ и 4 дѣтей. Король спрашиваетъ одного изъ нихъ, и онъ разсказываетъ: «Я Iobinus, умеръ 200 лѣтъ назадъ, не вѣруя въ Бога христіанскаго, потому и измучили меня въ адѣ, гдѣ не существуетъ никакой помощи. И тебѣ, король, совѣтую: коли не хочешь въ адъ пойти, увѣруй въ Іисуса Христа».

Но король отвѣтилъ ему: «Не умно, Iobinus, ты говоришь» Тогда Iobinus попросилъ св. Георгія, окрестить его, чтобъ ему возвратиться въ адъ.

Святой топнулъ ногой и изъ земли вытекла вода; ею онъ окрестилъ всѣхъ воскресшихъ, которые тотчасъ же снова умерли.

Король, увидавъ это, сказалъ своимъ слугамъ: «Видите, онъ и дьяволовъ употребилъ, чтобъ воскресить этихъ мертвецовъ. Поведите его къ бѣдной вдовѣ, пока не выдумаемъ, какъ его погубить». Привели его къ вдовѣ и здѣсь заперли...

Этимъ кончается отрывокъ Вратиславскій, напечатанный въ Музейникѣ стр. 270—80. Время написанія то же, что и перваго отрывка.

2. а) Бреннская легенда.

Эта рукопись на 7 листахъ содержитъ 675 стиховъ.

Содержаніе слѣдующее:

Св. Георгій, князь въ Каппадокіи, приглашенъ ко двору короля Даціана, который, ненавидя христіанъ, позвалъ къ себѣ всѣхъ королей своего царства.

Святой ѣдетъ и въ какихъ-то горахъ нашелъ много народа. Они просятъ его не ѣхать дальше, но онъ все-таки ѣдетъ и у озера видитъ дѣвушку, отъ которой узнаетъ, что ей суждено быть жертвой змѣи.

Дѣвушка проситъ его скорѣй уѣхать, но онъ остается и молится Богу.

Драконъ выходитъ, святой поражаетъ его въ голову и, навязавъ ему петлю на шею, передаетъ его дѣвушкѣ. Она ведетъ дракона въ городъ *Дасетъ*. Жители трепещутъ, приходитъ и король съ женой и очень радуются, что дочь жива и здорова. Св. Георгій отказывается отъ руки дочери и отъ царства и, окрестивъ семью короля и 12.000 человѣкъ, ѣдетъ ко двору Даціана.

Здѣсь сошлись 72 короля и множество народа; Даціанъ показываетъ имъ орудія пытки, приготовленныя для христіанъ. Св. Георгій глумится надъ языческими кумирами и объявляетъ всенародно, что онъ христіанинъ. Даціанъ приказываетъ его мучить и посадить въ темницу, гдѣ ангелъ вѣщаетъ ему, что 7 лѣтъ его будутъ мучить, что онъ трижды воскреснетъ и на 4 разъ вознесется на небо.

На слѣдующій день святого ведутъ къ Даціану. Св. Георгій повторяетъ, что онъ христіанинъ. По приказанію царя его снова мучаютъ и сажаютъ въ тюрьму. Даціанъ идетъ въ собраніе и объявляетъ: «Во что бы то ни стало, Георгій долженъ отвергнуть Бога своего. Если между Вами есть человѣкъ, который могъ бы это сдѣлать, тому я дамъ какое хочетъ жалованье».

Какой-то Аѳанасій приходитъ къ Даціану и въ доказательство своего искусства шепчетъ на ухо быку и тотъ лопается. Приводятъ святого. Аѳанасій даетъ ему чашу яду, св. Георгій перекрестился, и ядъ ему не вреденъ. Увидавъ это, магъ проситъ святого окрестить его, но Даціанъ приказываетъ отрубить ему голову.

Затѣмъ раздираютъ тѣло святого на колесѣ съ острыми мечами на 9 частей, а кости бросаютъ въ озеро.

Даціанъ смѣется надъ христіанами и входитъ съ 20 королями въ свой домъ.

Полудни архангелъ Михаилъ воскрешаетъ св. Георгія, который снова идетъ въ собраніе королей. Всѣ дивятся его неожиданному появленію, а «*mystr Antony*» вмѣстѣ съ 1240 мужами увѣровалъ въ Бога.

Но по повелѣнію короля всѣ они обезглавлены и души ихъ уносятъ ангелы на небо.

Снова мучаютъ св. Георгія огнемъ и дымомъ, и, когда ни то, ни

другое на него не дѣйствуетъ, снова ведутъ въ тюрьму, гдѣ ангель является, чтобъ утѣшить его. На слѣдующій разъ говоритъ святому король Манеусіусъ «genz byese welmy nesbedeu»:

«Ежели ты сдѣлаешь такое чудо, чтобъ эти 4 стола принесли плодъ — я увѣрую въ Бога твоего!»

Святой молится Богу и Онъ воистину совершаетъ чудо, но Даціанъ, приписывая это не Богу христіанскому, а Аполлону, приказываетъ разсѣчь его натрое, варить въ котлѣ, а кости закопать въ землю.

Въ послѣдовавшемъ затѣмъ землетрясеніи слышенъ голосъ, воскрешающій святого Георгія. И привели его къ Даціану, куда пришла и жена, которая рассказала, какъ ей святой быка воскресилъ.

Но Даціанъ предлагаетъ Георгію воскресить и людей, давно умершихъ. Все это святой дѣлаетъ съ помощью Бога. «Iobynus» рассказываетъ, что онъ умеръ 300 лѣтъ назадъ, былъ мученъ въ аду за свое невѣріе, и совѣтуетъ Даціану увѣровать въ Бога.

Когда святой окрестилъ ихъ, они умираютъ.

Даціанъ, полагая, что это дѣло дьяволовъ, приказываетъ повести святого къ бѣдной вдовѣ, и здѣсь ничего не давать ему ѣсть. Св. Георгій проситъ у вдовы хлѣба; у нея его нѣтъ. Думая, что это ангель, она проситъ сосѣдей одолжить ей. Между тѣмъ по волѣ св. Георгія сухое дерево возлѣ дома вдовы зазеленѣло. Ангель приноситъ ему много яствъ.

Женщина, воображая, что это самъ Богъ, исполнилась страха, а святой спрашиваетъ ее ласково, нѣтъ-ли у ней какого горя. Она рассказываетъ, что у нея сынъ отъ-мала слѣпъ, хромоногій и нѣмой. Св. Георгій возвращаетъ ему чувство зрѣнія и отъ всего исцѣляетъ.

Даціанъ, провѣдавъ о новыхъ чудесахъ Георгія, приказываетъ мучить его, разсѣчь на 9 частей и зарыть на горѣ Сересъ (въ рукописи ошибкой писца Фересъ).

Но въ послѣдовавшемъ землетрясеніи снова воскрешаетъ его голосъ небесный.

Люди, которые его зарывали, видя его живымъ и здоровымъ, увѣровали въ Бога и умираютъ какъ мученики.

Даціанъ общается святому все, лишь бы онъ отрекся отъ Бога; тотъ притворно соглашается, но, идеть къ королевѣ и побуждаетъ ее увѣровать.

На слѣдующій день Даціанъ сообщаетъ всенародно, что Георгій уже отрекся отъ Бога своего.

Приходитъ вдова, и упрекаетъ его, что совершалъ чудеса именемъ Бога, а теперь и знать Его не хочетъ.

Но святой приказываетъ сыну вдовы привести къ нему бога Аполлона и другихъ языческихъ боговъ. Всѣхъ ихъ принуждаетъ снова пойти въ адъ.

Даціанъ упрекаетъ его за вѣроломность и, узнавъ, что и жена его стала христіанкой, приказываетъ отрубить ей голову.

И св. Георгія ведутъ къ мѣсту казни, онъ молится, чтобъ Господь простилъ всѣмъ вѣрующимъ въ Него и чтобъ сжегъ всѣхъ 72 королей, что у Даціана. Это и совершается.

При его смерти много народа увѣровало въ Бога, много чудесъ произошло. Душу мученика уносятъ ангелы на небо.

Легенда кончается желаніемъ, чтобъ Богъ христіанскій принялъ по смерти на небо какъ писателя, такъ и читателей.

Наша легенда передѣлана по латинской прозаической легендѣ рукописи «св. Гавельской», но въ послѣдней нѣтъ «чуда со змѣемъ». Эта часть заимствована изъ неизвѣстнаго пока разсказа, сходнаго съ легендой Якова de Voragine или «cod. monacensis», напечатанной въ «Сборникѣ» въ приложеніи къ труду г. Веселовскаго.

По рядомъ съ сходствомъ, есть и отличія. По «cod. monacensis» св. Георгій окрестилъ въ Ласи 40.000 человѣкъ, по Якова a Voragine 20.000, по нашей только 12.000.

По «св. Гавельской» рукописи разрываютъ тѣло мученика на 10, по нашей на 9 частей.

Въ латинской легендѣ Даціанъ принимаетъ въ своемъ домѣ всѣхъ 72 королей, въ нашей избралъ изъ нихъ только 20.

Въ «св. Гавельской» легендѣ Георгій воскресилъ «mille nonaginta VIII et unam mulierem», въ чешской только 1240.

По «cod. monac.» и «cod. ambros.» даже по «Leg. Aurea» св. Георгій возвращается отъ войска домой, по чешской — онъ ѣдетъ къ Даціану.

По легендамъ въ «Сборникѣ» король въ Ласи злой, несправедливый человѣкъ, въ нашей стоитъ: «a w нуем sprawnna krale gmuєchi».

По всѣмъ другимъ легендамъ св. Георгій приходитъ къ озеру случайно, чтобъ коня напоить; по нашей напротивъ, множество народа упрашиваетъ его не ѣхать на неминуемую гибель — но онъ геройски ѣдетъ дальше.

Но значительнѣе всего слѣдующее:

По лег. изъ «Сборника» святой одерживаетъ надъ дракономъ побѣду лишь знаменіемъ *креста*, въ нашей (и въ «Leg. Aurea») читаемъ:

«da gyeu skyrze vsta w hlau
Swym kopim weliku rani
Az sang poletie na stranu».

Этотъ фактъ тѣмъ интереснѣе, что г. Кирпичниковъ (Журн. Мин. Народ. Просвѣщенія) ССІ, 201) отмѣтилъ любопытное противорѣчіе «между *всьми* книжными редакціями чуда Георгія и *почти всьми* его изображеніями: по легендѣ Георгій не убиваетъ дракона, а дѣйствуетъ духовнымъ оружіемъ, по изображенію онъ убиваетъ змѣя копьемъ или мечомъ».

И такъ наша легенда и «Leg. Aurea» стоятъ одиноко, въ своемъ согласіи съ изобразительнымъ искусствомъ.

Еще нѣсколько словъ о собственныхъ именахъ.

По «cod. monac.» случилось все это во время «seuissimorum principum Diocletiani et Maximiani», но въ чешской легендѣ стоитъ «*Dasyan*», какъ и въ «Св. Гавельской», въ французской (Datyens) и въ «Leg. Aurea».

Городъ, близъ котораго случилось «чудо со змѣемъ», по «cod. monacensis» *Lasia*, по другимъ легендамъ *Lavsia*, *Lycia*, *Silene* и т. д.; по нашей «*daphet*».

Этотъ Дафетъ, конечно, описка изъ «*Japha*», что не далеко отъ города, гдѣ св. Георгій былъ замученъ; сл. у Якова а Voragine: «*dicatur quia passus est in persida ciuitate dyaspoli que prius lidda uocabatur et est iuxta iopen*». Мару «Anatholis» «св. Гавельской» отвѣчаетъ въ нашей рукописи лат. «*mystr Antony*» и т. д.

Обращу вниманіе еще на одну подробность, (которой нѣтъ въ св. Гавельской рукописи) на стихи 518—9:

«*daly pylata* (ошибкой вмѣсто *pylatu*) *ponskemu*
z furkleyma rodem baworskemu».

Это, конечно, намекъ на средневѣковую легенду, что

«*Forchheimi natus est Pontius ille Pilatus*
Teutonicae gentis, crucifxor omnipotentis».

Время написанія: половина XIV столѣтія.

Стихъ 8 сложный, рима аабб.

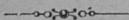
б) Отрывокъ въ библіотекѣ пражскаго университета.

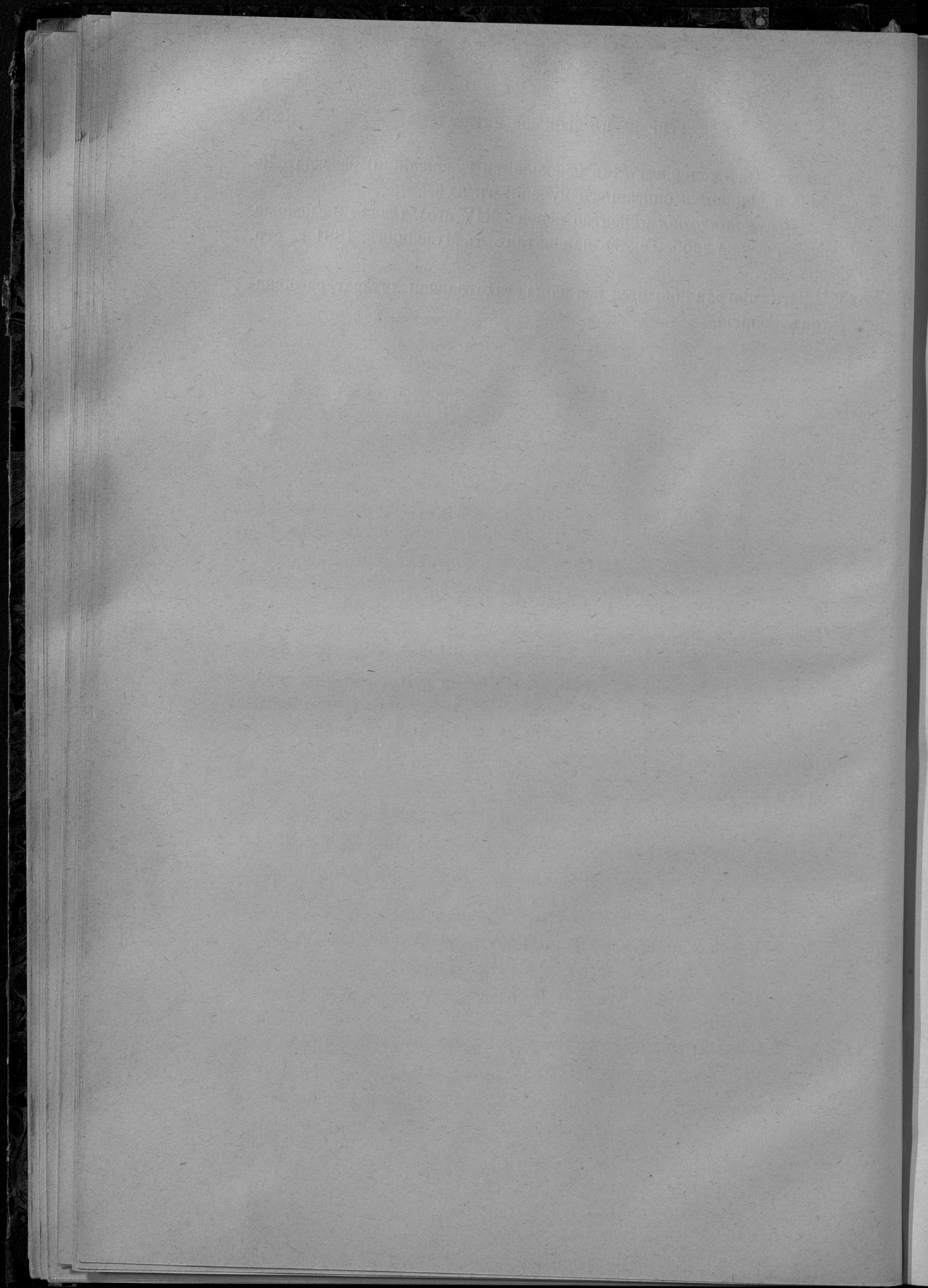
Перехожу къ послѣднему памятнику о св. Георгіи, отрывку въ 28 стиховъ, открытому г. Патерой въ библіотекѣ пражскаго универ-

ситета. Онъ содержитъ (съ небольшими уклоненіями) разсказъ Іо-
бина и кончается описаніемъ мученія въ адѣ.

Время написанія вѣроятно конецъ XIV стол. *Стихи* 8 сложные.
риомы также аабб. Текстъ напечатанъ въ Музейникѣ, 1881 г., стр.
284—5.

Этимъ ограничивается вся наша стихотворная литература о свя-
томъ Георгіи.

въ теченіе многихъ лѣтъ, поручаемо было составленіе рецензій этихъ трудовъ. Собраніе его критическихъ отзывовъ можетъ послужить любопытнымъ матеріаломъ для исторіи этой отрасли русской литературы въ данное время. Никитенко представляетъ своеобразное и достойное изученія явленіе въ нашей литературѣ и общественной жизни. Получивъ въ отдаленномъ уѣздномъ городѣ (Острогожскѣ, Воронежск. губ.) весьма скудное начальное образованіе, онъ произнесенною тамъ рѣчью¹⁾ неожиданно обращаетъ на себя вниманіе министра народнаго просвѣщенія (кн. Голицына), который вызываетъ его въ Петербургъ и даетъ ему университетское образованіе. Какъ Срезневскій первоначально избралъ своею спеціальностью статистику, такъ и Никитенко сперва посвятилъ себя политической экономіи и занялъ въ Петербургскомъ университетѣ кафедру по этой наукѣ. Только впослѣдствіи онъ промѣнялъ ее на русскую словесность. Благодаря своему замѣчательному таланту и необыкновенному дару слова, Никитенко въ короткое время приобрѣлъ репутацію отличнаго преподавателя и краснорѣчиваго оратора. Рѣчи, которыя онъ произносилъ въ университетѣ, касавшіяся большею частью эстетическихъ вопросовъ, иногда же и исторіи, привлекали такую массу слушателей, какой прежде не видывала университетская зала. Въ особенности похвальное слово Петру Великому, произнесенное въ 1838 г., произвело сильное впечатлѣніе и заставило много говорить о молодомъ профессорѣ. Учебныя заведенія наперерывъ старались привлечь его въ число своихъ преподавателей, предлагая самыя выгодныя для него условія. Мнѣнія его приобрѣтали болѣе и болѣе авторитета не только въ литературныхъ, но и въ административныхъ кругахъ. На него возлагались разнаго рода почетныя порученія. Занявъ мѣсто цензора, онъ отличался разумною терпимостью и тѣмъ

¹⁾ Она напечатана въ приложеніи къ отчету Отдѣленія за 1877 г. подъ заглавіемъ: «Рѣчь, произнесенная въ публичномъ засѣданіи Острогожскаго библейскаго сотоварищества секретаремъ онаго Александромъ Никитенковымъ 1824 года генваря 27 дня».

пріобрѣлъ популярность между литераторами разныхъ лагерей. Въ 1855 году Никитенко былъ избранъ прямо въ ординарные академики по Отдѣленію русскаго языка и словесности. Въ ближайшее затѣмъ время особенно памятна его дѣятельность при министрѣ народнаго просвѣщенія А. С. Норовѣ, о которой онъ самъ недавно сообщилъ много новаго въ своемъ посмертномъ дневникѣ. Какъ профессоръ, Никитенко мало останавливался на фактахъ, не дорожилъ систематическимъ изложеніемъ науки и болѣе любилъ распространяться о значеніи прекраснаго въ искусствѣ. Молодежь увлекалась содержаніемъ его лекцій. По части своей специальности Никитенко издалъ одну только книгу «Опытъ исторіи русской литературы». Это начало труда, не имѣвшаго продолженія, содержитъ одно введеніе. Къ академической дѣятельности Никитенко относится, сверхъ названныхъ трудовъ, участіе въ произнесеніи рѣчей при чествованіи памяти Ломоносова и Крылова. Весьма обстоятельный некрологъ Никитенка съ оцѣнкою трудовъ его помѣщенъ А. Θ. Бычковымъ въ составленномъ имъ отчетѣ Отдѣленія за 1877 годъ.

Отдѣленіе состояло всегда изъ двухъ разрядовъ членовъ: одни принадлежали къ внутреннему составу его, участвовали въ его засѣданіяхъ и постоянныхъ занятіяхъ, другіе отсутствовали и только числились членами Отдѣленія. Къ разряду послѣднихъ принадлежали наши московскіе сочлены: митрополитъ Филаретъ, Погодинъ, Шевыревъ, Буслаевъ, Соловьевъ. Изъ числа духовныхъ лицъ, входившихъ въ составъ Отдѣленія, должны бытъ выдѣлены архіепископъ Литовскій и Виленскій, впоследствии митрополитъ Московскій Макарій, который долгое время участвовалъ въ засѣданіяхъ Отдѣленія и нерѣдко печаталъ свои труды въ нашихъ изданіяхъ. Назовемъ его изслѣдованія: 1) О литературныхъ трудахъ Максима Грека и 2) О сочиненіяхъ Московскаго митрополита Даніила. Нельзя также пройти молчаніемъ, хотя и помимо Отдѣленія изданнаго, обширнаго труда нашего знаменитаго сочлена: «Исторія русской церкви» въ 12-ти томахъ. Не можемъ при этомъ случаѣ воздержаться отъ выра-

женія глубоко скорбнаго чувства по поводу ранней кончины этого достойнѣйшаго святителя, отличавшагося высокими качествами ума и сердца, окончившаго преждевременно свое достохвальное земное поприще.

Кромѣ названныхъ, изъ умершихъ членовъ Отдѣленія и многіе другіе заслуживали бы указанія на главные ихъ труды, напр. К. И. Арсеньевъ, В. А. Полѣновъ, Д. И. Языковъ; но времени въ нашемъ распоряженіи не много, и мы должны спѣшить отъ мертвыхъ къ живымъ, еще продолжающимъ свою дѣятельность.

А. О. Бычковъ вступилъ въ Академію въ началѣ 1866 г. Однимъ изъ первыхъ трудовъ его была статья о словаряхъ митрополита Евгенія, написанная по поводу празднованія Отдѣленіемъ столѣтія со дня рожденія ученаго іерарха. Затѣмъ Асана-сію Оеодоровичу было поручено наблюденіе за печатаніемъ Бѣлорускаго словаря Носовича. Между тѣмъ имъ предпринято было, по порученію Археографической Комиссіи, составленіе указателя къ 8-и томамъ «Полнаго собранія русскихъ лѣтописей», который долженъ былъ заключать въ себѣ подробное изложеніе всего, что говорится въ лѣтописяхъ объ упоминаемыхъ въ немъ лицахъ, и въ 1875 г. вышелъ 1-й томъ этого труда. Какъ членъ Археографической Комиссіи, онъ, сверхъ того, напечаталъ: новыя изданія Лаврентьевской Лѣтописи (1872) и Новгородскихъ лѣтописей (1879), десятый томъ Полнаго собранія лѣтописей, содержащій продолженіе Никоновской Лѣтописи (1885), и часть шестнадцатаго тома того же собранія, который заключаетъ въ себѣ Лѣтопись Авраамки (1889). Изъ ученыхъ его трудовъ по Императорской Публичной Библіотекѣ назовемъ: во 1-хъ) первую часть подробнаго «Описанія церковнославянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ Библіотеки» (1882); во 2-хъ) сборникъ «Въ память графа Сперанскаго» (1872), содержащій дневникъ его путешествія по Сибири, письма къ разнымъ лицамъ и нѣкоторыя его сочиненія; въ этомъ томѣ разсѣяно не мало важныхъ матеріаловъ для исторіи царствованія Александра I; въ 3-хъ) письма и бумаги Императрицы Екатерины II, хранящіяся въ Библіотекѣ,

изданныя въ 1873 году ко дню открытія памятника великой Государыни. Слѣдуетъ припомнить здѣсь же о сообщавшихся имъ въ отчетахъ Библіотеки за 1866—1880 годы свѣдѣніяхъ о новыхъ приобрѣтеніяхъ ея по отдѣленію рукописей, при чемъ въ нѣкоторыхъ изъ отчетовъ помѣщены имъ каталоги цѣлыхъ собраній, напр. Гильфердинга и Сокурова. Въ семидесятыхъ же годахъ начинаются занятія А. Θ. Бычкова по собиранію матеріаловъ, относящихся къ царствованію Петра В., занятія, которыя мало по малу разрослись въ обширный трудъ монументальнаго изданія писемъ и бумагъ геніальнаго преобразователя. Но прежде нежели изложимъ ходъ этихъ занятій, упомянемъ еще о двухъ трудахъ нашего неутомимаго сочлена, исполненныхъ имъ по порученію Академіи. По смерти академика П. М. Строева, согласно съ его распоряженіемъ, внесены были въ Академію матеріалы для библиологическаго словаря, которымъ покойный много лѣтъ занимался. При составленіи этого словаря онъ имѣлъ въ виду собрать воедино весь разбросанный по разнымъ нашимъ библіотекамъ рукописный матеріалъ и расположить его по именамъ сочинителей и переводчиковъ и по разрядамъ анонимныхъ сочиненій. Къ сожалѣнію, словарь этотъ не былъ оконченъ Строевымъ и заключался только въ наброскахъ и замѣткахъ; тѣмъ не менѣе онъ и въ этомъ видѣ представлялъ много любопытныхъ данныхъ, которыя заслуживали опубликованія. По порученію Отдѣленія, А. Θ. принялъ на себя трудъ рассмотреть эти матеріалы и извлечь изъ нихъ для печати то, что еще въ наше время не лишено интереса. Сличивъ трудъ Строева съ словарями митрополита Евгенія и съ «Обзоромъ русской духовной литературы» архіепископа Черниговскаго, Филарета, А. Θ. представилъ Академіи отчетъ о рассмотрѣнныхъ имъ матеріалахъ, а въ 1882 г. окончилъ печатаніемъ Словарь Строева. Въ томъ же году вышло второе изданіе труда И. И. Срезневскаго «Древніе памятники русскаго письма и языка», которое печаталось подъ наблюденіемъ А. Θ. и въ которомъ онъ сдѣлалъ нѣсколько добавленій.

Что касается бумагъ Петра Великаго, то сперва академикомъ Бычковымъ были напечатаны: 1) томъ Матеріаловъ Военно-ученаго архива Главнаго штаба (1871), посвященный весь времени Петра, и 2) Письма этого государя, хранящіяся въ Императорской Публичной Библіотекѣ (1872); затѣмъ онъ издалъ, по порученію Императорскаго Русскаго Историческаго Общества (въ которомъ занимаетъ мѣсто вице-предсѣдателя), томъ бумагъ Петра Великаго (1873), между прочимъ извлеченныхъ изъ сенатскаго архива. Съ 1872 г. А. О. занятъ былъ извлеченіемъ изъ архивовъ какъ въ Россіи, такъ и за границу, матеріаловъ для полнаго собранія писемъ и бумагъ Петра, изданіе которыхъ предпринято по Высочайшему повелѣнію, по мысли покойнаго президента Академіи, графа Д. А. Толстого. Въ 1887 г. вышелъ 1-й томъ этого обширнаго и весьма важнаго для отечественной исторіи изданія, которымъ будетъ воздвигнутъ достойный памятникъ великому монарху; въ 1889 окончены печатаніемъ 2-й томъ, а нынѣ А. О. приступилъ къ печатанію уже и третьяго тома.

Въ послѣднее время академикъ Бычковъ занимался, по порученію Отдѣленія, еще двумя требующими много времени и вниманія трудами. Подъ его наблюденіемъ печатаются: 1) Бѣлорусскій Сборникъ г. Шейна, о которомъ будетъ сказано ниже, и 2) упомянутый уже въ предыдущемъ Словарь древне-русскаго языка Срезневскаго. Первый выпускъ (содержащій три первыя буквы алфавита) уже вышелъ въ 1890 году; второй печатается.

Въ минувшемъ году исполнилось 50 лѣтъ учено-литературной дѣятельности Аѳанасія Федоровича. Академія Наукъ и всѣ ученыя общества, умѣющія цѣнить многообразные труды и заслуги нашего достопочтеннаго товарища, торжественно отпраздновали этотъ полувѣковой юбилей, въ которомъ и все наше образованное общество приняло сочувственное участіе.

М. И. Сухомлиновъ избранъ въ экстраординарные академики въ 1872 году. Вскорѣ онъ предпринялъ обширный трудъ, исполненіе котораго естественно лежало на обязанности Отдѣленія: я разумѣю исторію Россійской Академіи. Несмотря на мно-

госложность архивныхъ разысканій, которыхъ требовало это предпріятіе, первый томъ явился уже въ 1874 году, и Отдѣленіе съ полнымъ сочувствіемъ встрѣтило начало труда, который долженъ былъ составить важный вкладъ въ исторію русскаго просвѣщенія. Избранный авторомъ способъ изложенія былъ тотъ же, какой употребленъ Пекарскимъ въ Исторіи Академіи Наукъ, именно дѣятельность ученаго общества изображается въ рядѣ біографій его членовъ. Въ 1-й томъ вошли между прочимъ очерки жизнеописаній княгини Дашковой, митрополита Гавріила, архіепископа Амвросія и другихъ духовныхъ лицъ. Во 2-мъ томѣ, вышедшемъ въ слѣдующемъ году, особенное вниманіе обращаютъ на себя біографіи трехъ замѣчательныхъ ученыхъ, принадлежавшихъ и къ составу Академіи Наукъ: Румовскаго, Лепехина и Озерецковскаго. Выпуски Исторіи Россійской Академіи быстро слѣдовали одинъ за другимъ; 8-й и послѣдній появился въ 1886 году.

Въ 1883 исполнилось столѣтіе со дня учрежденія Россійской Академіи: Отдѣленіе сочло нравственнымъ долгомъ помануть это выдающееся событіе въ исторіи русскаго просвѣщенія особымъ торжественнымъ засѣданіемъ. Естественно, что истолкователемъ этого скромнаго ученаго праздника избранъ былъ историкъ Россійской Академіи, М. И. Сухомлиновъ. Многочисленная и блестящая публика почтила своимъ присутствіемъ это собраніе, происходившее подъ предѣтельствомъ назначеннаго за годъ передъ тѣмъ президентомъ Академіи Наукъ, графа Д. А. Толстого. По окончаніи рѣчи Михаила Ивановича Отдѣленіе привѣтствовали прибывшія отъ нѣсколькихъ ученыхъ учреждений депутаціи, и именно: отъ Спб. университета, отъ Спб. Духовной Академіи, отъ Императорскаго Александровскаго лицея, а затѣмъ прочитаны были телеграммы: отъ Московскаго и Варшавскаго университетовъ, отъ Общества любителей Россійской словесности и другихъ обществъ.

Въ 1883 г. на М. И. Сухомлинова возложенъ новый важ-

ный и многолѣтній трудъ. Такъ какъ между академиками не нашлось никого, кто бы послѣ Пекарскаго принялъ на себя продолженіе исторіи Академіи Наукъ, то покойный президентъ гр. Толстой возымѣлъ мысль печатать вмѣсто того хранящіеся въ академическомъ архивѣ матеріалы для такой исторіи. Исполненіемъ этой мысли занялся М. И. Съ тѣхъ поръ подъ его наблюденіемъ издано уже 6 томовъ Матеріаловъ, 7-й и 8-й печатаются.

Давно ощущается потребность въ полномъ критическомъ изданіи сочиненій Ломоносова. Когда, съ небольшимъ лѣтъ 30 тому назадъ, Отдѣленіе предприняло изданіе сочиненій Державина, то съ разныхъ сторонъ стало слышаться замѣчаніе, что изданіе старыхъ писателей слѣдовало бы начать съ Ломоносова. Съ справедливостью этого взгляда нельзя было не согласиться, но для изданія Державина имѣлось уже въ виду богатое собраніе матеріаловъ и былъ человѣкъ, готовый заняться ихъ разработкою. Если бъ Отдѣленіе тогда не воспользовалось этимъ обстоятельствомъ, то можно навѣрное сказать, что всѣ эти матеріалы остались бы навсегда безъ употребленія, такъ какъ всѣ стоявшіе близко къ Державину лица, выражавшія сочувствіе къ предпріятію Отдѣленія и готовность служить ему матеріалами, доживали свой вѣкъ и черезъ нѣсколько лѣтъ сошли со сцены. Благодаря ихъ содѣйствію, изданіе Державина съ присоединеніемъ его біографіи было благополучно доведено до конца въ 1880 году. Теперь наступила очередь изданію Ломоносова, за которое и взялся М. И. Сухомлиновъ, столь превосходно приготовленный къ этому труду всѣми своими предшествовавшими работами. Къ настоящему дню уже выпущенъ въ свѣтъ 1-й томъ этого изданія.

Изъ болѣе мелкихъ трудовъ академика Сухомлинова прежде всего должна быть упомянута изданная имъ въ 1873 г. *Повѣсть о судѣ Шемяки*. Происхожденіе и судьба повѣсти, получившей у насъ названіе «Суда Шемяки», весьма любопытны въ историко-литературномъ отношеніи. Содержаніе повѣсти и типъ главнаго дѣйствующаго лица постепенно видоизмѣнялись

подъ вліяніемъ тѣхъ условій и тѣхъ особенностей, которыя существовали въ народной жизни. Въ изслѣдованіи М. И. приведены различныя редакціи повѣсти и указано ея отношеніе къ западно-европейскимъ и семитическимъ сказаніямъ.

По случаю кончины П. А. Вяземскаго (1878) и И. С. Тургенева (1884) написаны академикомъ Сухомлиновымъ два очерка, въ которыхъ авторъ руководствовался не только печатными, но и рукописными источниками, проливающими свѣтъ на литературную дѣятельность этихъ писателей.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ изслѣдованіе его о Радищевѣ (1883). «Путешествіе» Радищева «изъ Петербурга въ Москву» приобрѣло громкую извѣстность въ нашей литературѣ. Составляя, по содержанію и по тону, рѣзкое исключеніе изъ того, что появлялось въ нашей печати, книга Радищева привлекала къ себѣ вниманіе позднѣйшихъ писателей со времени Пушкина. За отсутствіемъ положительныхъ свѣдѣній много затрудненій представлялось для вѣрной оцѣнки литературной дѣятельности Радищева: ему приписывались сочиненія, которыя въ дѣйствительности не существовали; мысли и взгляды, будто бы изложенные въ этихъ сочиненіяхъ, принадлежать болѣе позднему времени. Чтобы найти твердую почву для выводовъ и приговоровъ, необходимо было обратиться къ первымъ источникамъ, подвергнувъ ихъ критическому разсмотрѣнію. Собравъ матеріалы въ различныхъ архивахъ, какъ въ русскихъ, такъ отчасти и въ иностранныхъ, академикъ Сухомлиновъ въ изслѣдованіи своемъ основывался на несомнѣнныхъ данныхъ, рисующихъ тогдашнее состояніе нашей литературы и общественной жизни.

Занимаясь преимущественно изученіемъ писателей XVIII вѣка, М. И. не оставлялъ безъ вниманія и ближайшаго къ намъ періода русской литературы. Имѣя доступъ къ драгоцѣннымъ первоначальнымъ источникамъ въ архивахъ, онъ напечаталъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ нѣсколько любопытныхъ монографій, и именно: въ 1881 году «Появленіе въ печати сочиненій Гоголя»; въ 1884: «Императоръ Николай, критикъ и цен-

зоръ сочиненій Пушкина» и «Полемическія статьи Пушкина»; въ 1886: «Н. А. Полевой и его журналъ Московскій Телеграфъ». Во всѣхъ этихъ статьяхъ М. И. умѣлъ сочетать безукоризненную основательность изслѣдователя съ искусствомъ возбуждать живой интересъ въ современныхъ читателяхъ.

Въ 1877 году, по смерти академика Никитенка, Отдѣленіе пополнило свой составъ избраніемъ адъюнктъ-профессора С.-Петербургскаго университета по кафедрѣ исторіи всеобщей литературы А. Н. Веселовскаго, стяжавшаго почетную извѣстность своими изслѣдованіями по средневѣковой словесности, преимущественно романской и германской, которыя служатъ къ объясненію многихъ русскихъ и славянскихъ памятниковъ народной жизни. Первымъ предметомъ своихъ занятій Александръ Николаевичъ избралъ изслѣдованіе южно-русскихъ былинъ, а также «Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ», имѣя въ виду критически пересмотрѣть вопросъ о развитіи нашего народнаго эпоса, особенно былинъ такъ называемаго кіевскаго цикла. Результатомъ этихъ изслѣдованій былъ цѣлый рядъ обширныхъ статей, появившихся въ изданіяхъ Академіи. Вслѣдъ за тѣмъ А. Н. Веселовскій сталъ печатать «Матеріалы къ исторіи романа и повѣсти». Вышедшій въ 1886 г. первый выпускъ этого труда посвященъ роману и повѣсти греко-византійскаго періода. Авторъ собралъ богатый матеріалъ, чтобы показать, какимъ образомъ совершалось превращеніе греческаго романа въ христіанскій и въ чемъ заключались главныя черты ихъ различія. Самое обширное мѣсто отведено статьѣ, озаглавленной: «Къ вопросу объ источникахъ сербской Александріи». Романъ объ Александрѣ Великомъ—наиболѣе распространенное произведеніе какъ на Востокѣ до предѣловъ Средней Азіи, такъ и на всемъ Западѣ. Въ своихъ «Разысканіяхъ въ области русскаго духовнаго стиха» академикъ Веселовскій, ставя себѣ задачею выслѣдить происхожденіе различныхъ народныхъ сказаній, привлекаетъ къ своему изслѣдованію обширный сравнительный матеріалъ изъ литературы не только русской и вообще славянской,

но и многихъ другихъ народовъ западныхъ и восточныхъ и на этомъ широкомъ основаніи утверждаетъ свои соображенія и выводы. Въ послѣднее время А. Н. предпринялъ и отчасти уже исполнилъ трудъ, представляющій живой интересъ для обширнаго круга читателей. Это — переводъ «Декамерона» Бокаччіо, со введеніемъ, которое было читано въ одномъ изъ засѣданій Отдѣленія.

Съ 1880 года въ составъ Отдѣленія вошелъ, на мѣсто покойнаго Срезневскаго, извѣстный славистъ И. В. Ягичъ, которому издаваемый имъ въ Берлинѣ журналъ *Archiv für slav. Philologie* давно составилъ почетное имя въ наукѣ. Занявъ въ то же время кафедру славянскихъ нарѣчій въ Петербургскомъ университетѣ, академикъ Ягичъ счелъ нужнымъ прежде всего доставить пособіе изучающимъ церковнославянскій языкъ, и съ этою цѣлью напечаталъ «Образцы церковнославянскаго языка по древнѣйшимъ памятникамъ глаголическимъ и кирилловскимъ», куда вошло довольно много новыхъ, до сихъ поръ неизданныхъ, текстовъ. Затѣмъ онъ издалъ глаголическое Маріинское четвероевангеліе, писанное въ концѣ X или въ началѣ XI вѣка. Изданіе этого замѣчательнаго памятника задумано было еще покойнымъ В. И. Григоровичемъ. Это евангеліе, вмѣстѣ съ изданнымъ трудами ак. Ягича Зографскимъ, принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ списковъ евангельскаго текста. Въ изданіи Маріинскаго евангелія Игнатій Викентьевичъ не ограничился вѣрною передачею текста и критическимъ подборомъ важнѣйшихъ разночтеній, но присоединилъ обширныя изслѣдованія, а въ концѣ приложилъ образцовый словоуказатель. Почти одновременно онъ предпринялъ изданіе памятниковъ древнерусскаго языка. Первый томъ обнимаетъ два древнѣйшихъ памятника письменности послѣ Остромирова евангелія и двухъ сборниковъ Святослава, съ точно опредѣленными годами 1096 и 1097, и изданъ подъ заглавіемъ «Служебныя Миней за сентябрь, октябрь и ноябрь». Затѣмъ Отдѣленіе, по мысли академика Ягича, приняло изданіе, исключительно посвященное изслѣдованіямъ по

русскому языку, древнему и новому, въ грамматическомъ и лексическомъ отношеніяхъ. Въ самомъ началѣ помѣщено подробное изслѣдованіе г. Козловскаго о языкѣ Остромирова евангелія и вслѣдъ затѣмъ статья г. Шахматова о языкѣ новгородскихъ грамотъ.

Слѣдующимъ трудомъ нашего почтеннаго сочлена было изданіе переписки двухъ передовыхъ славистовъ, дѣйствовавшихъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія—Добровскаго и Копитара. Въ обширномъ введеніи издатель на основаніи этихъ писемъ представилъ картину того живого движенія, какое началось у разныхъ славянскихъ народовъ въ первыхъ годахъ истекающаго столѣтія. Въ этой картинѣ рельефно выступаютъ впередъ герои эпохи, Добровскій и Копитаръ; около нихъ группируются всѣ знаменитые представители начинавшагося тогда славянскаго возрожденія. Здѣсь нельзя не выразить искренняго сожалѣнія о томъ, что со второй половины 1886 года въ засѣданіяхъ Отдѣленія уже не присутствуетъ акад. Ягичъ, приглашенный на кафедру славянской филологіи въ Вѣнскій университетъ. Впрочемъ онъ и послѣ переселенія своего въ Вѣну не прекращаетъ своего участія въ занятіяхъ Отдѣленія. Такъ въ дополненіе къ изданной имъ перепискѣ Добровскаго съ Копитаромъ онъ началъ печатать корреспонденцію другихъ западно-славянскихъ филологовъ-славистовъ то между собою, то съ русскими современниками, какъ важный источникъ для будущей исторіи славянской науки. Но особенно важенъ задуманный имъ новый трудъ, который долженъ представить въ одномъ цѣломъ все то, что въ теченіе прошлыхъ столѣтій высказывалось о церковно-славянскомъ языкѣ у южныхъ славянъ и у насъ въ Россіи, въ видѣ разсужденій о языкѣ, о правописаніи, о задачахъ переводовъ на славянскій языкъ съ греческаго и т. п. Съ этою цѣлію акад. Ягичъ предпринялъ трудъ, озаглавленный: «Разсужденія южно-славянской и русской старины о церковно-славянскомъ языкѣ». Цѣлое изданіе, по плану, указанному самимъ содержаніемъ, должно состоять изъ двухъ частей: грамматиче-

ской и лексической. Этотъ важный трудъ и составляетъ нынѣ главное занятіе Игнатія Викентьевича какъ члена Отдѣленія русскаго языка и словесности.

Въ послѣдніе годы Отдѣленіе приобрѣло новыя силы въ лицѣ Л. Н. Майкова и К. Н. Бестужева-Рюмина, избравъ въ то же время въ дѣйствительные члены свои двухъ иногородныхъ ученыхъ, извѣстныхъ трудами высокаго достоинства, заслуженныхъ профессоровъ Н. С. Тихонравова и Н. А. Лавровскаго. О важномъ порученіи изданія сочиненій Пушкина, возложенномъ на ак. Майкова, было уже говорено въ предыдущихъ отчетахъ; въ отчетѣ за нынѣшній годъ К. Н. Бестужевъ сообщить о дальнѣйшемъ ходѣ приготовительныхъ работъ Леонида Николаевича.

Мнѣ остается дополнить представленный очеркъ указаніемъ на тѣ труды Отдѣленія, о которыхъ или не пришлось упомянуть при разсмотрѣніи дѣятельности отдѣльныхъ членовъ, или упомянуто только вскользь. Такъ къ изданнымъ Отдѣленіемъ словарямъ: общему Церковно-славянскому и русскому, Областному велико-русскому, Церковнославянскому Востокова и Бѣлорусскому Носовича должны быть еще прибавлены: Сербско-русскій словарь покойнаго П. А. Лавровскаго, одного изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ Отдѣленія, обогатившаго его изданія многими весьма цѣнными изслѣдованіями, и Словарь Архангельскаго нарѣчія, составленный съ большимъ знаніемъ дѣла покойнымъ Подвысоцкимъ, человекомъ, одареннымъ замѣчательными филологическими способностями, но къ сожалѣнію внезапно остановленнымъ въ своей дѣятельности раннею смертію. Въ настоящее время Отдѣленіе, при участіи членовъ и другихъ Отдѣленій Академіи и многихъ постороннихъ ученыхъ, приготовляетъ словарь русскаго языка, первый выпускъ котораго уже отпечатанъ и съ нынѣшняго дня становится общимъ достояніемъ.

Къ разряду трудовъ по исторіи русскаго языка и литературы и вообще русскаго просвѣщенія, составляющихъ обширный отдѣлъ

занятій Отдѣленія, слѣдуетъ отнести, сверхъ исчисленныхъ выше изданій: Письма Карамзина къ Дмитріеву, изданныя по поводу празднованія въ 1866 г. столѣтняго юбилея Карамзина, и сочиненія Хемницера, исправленныя по рукописямъ Капниста и Львова. Сюда же относятся и историко-литературныя очерки, которые посвящались памяти многихъ изъ прежнихъ нашихъ писателей по поводу празднованія ихъ юбилеевъ въ стѣнахъ Академіи, именно: Ломоносова, Карамзина, Крылова, митрополита Евгенія, Жуковскаго и Батюшкова.

Нельзя отрицать значенія, какое имѣли для своего времени эти юбилеи, привлекавшіе въ залу Академіи многочисленную публику. Надобно вспомнить, что большая часть ихъ происходила въ 60-хъ годахъ, когда въ нѣкоторой части нашей журналистики воздвигнуто было систематическое гоненіе на старыхъ писателей нашихъ. Въ это самое время Академія издавала въ роскошномъ видѣ Державина и чествовала память прежнихъ заслуженныхъ дѣятелей литературы: нѣтъ сомнѣнія, что этими чествованіями она содѣйствовала къ распространенію въ обществѣ знакомства съ прошлымъ нашей умственной жизни, противодѣйствовала одностороннимъ увлеченіямъ, поддерживала здравыя понятія и уваженіе къ тому, что было хорошаго въ нашей старинѣ.

Много отдѣльныхъ трудовъ по разнымъ отраслямъ дѣятельности Отдѣленія можно бы еще присоединить къ исчисленнымъ, еслибъ мы не боялись утомить вниманіе Ваше, мм. гг. Но мы не можемъ не остановиться еще нѣсколько минутъ на трудахъ постороннихъ ученыхъ, которымъ Отдѣленіе радушно отводило мѣсто въ своихъ изданіяхъ. Таковы между прочимъ изслѣдованія: В. И. Ламанскаго — О славянахъ въ Малой Азіи, въ Африкѣ и въ Испаніи; А. Н. Пыпина — Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ; архіепископа Черниговскаго Филарета — Обзоръ русской духовной литературы до 1720 г.; А. С. Будиловича — Ломоносовъ какъ писатель; многочисленные статьи С. И. Пономарева, изъ которыхъ укажемъ только на

главныя: Матеріалы для бібліографіи литературы о Ломоносовѣ и о Карамзинѣ; переписка Максимовича съ Гоголемъ и Погодинымъ; исправленная редакція «Странствующаго Жида» Жуковскаго; замѣчанія къ изданію Иліады въ переводѣ Гнѣдича; наконецъ разборъ Словаря русскихъ писательницъ, кн. Н. Н. Голицына. Далѣе, труды: профессора И. А. Чистовича, біографія Оеофана Прокоповича; покойнаго В. О. Кеневича — подробный комментарий къ баснямъ Крылова; Русскія народныя картинки Д. А. Ровинскаго, содержащія любопытный обзоръ всѣхъ обращающихся въ простомъ народѣ иллюстрацій, начиная отъ самыхъ старинныхъ до нашего времени; Бѣлорусскій Сборникъ П. В. Шейна, содержащій народныя пѣсни и сказки богатаго въ этомъ отношеніи края. Для собиранія такихъ памятниковъ народнаго творчества и изслѣдованія разныхъ говоровъ бѣлорусскаго нарѣчія, г. Шейнъ нѣсколько лѣтъ сряду, начиная съ 1877 года, командированъ былъ Отдѣленіемъ въ сѣверо-западные губерніи. Когда, около того же времени, профессоръ Варшавскаго университета М. А. Колосовъ изъявилъ желаніе объѣхать наши сѣверныя губерніи для изученія употребляемаго тамъ языка, то Отдѣленіе не только приняло матеріальное участіе въ ученой командировкѣ молодого филолога, но и снабдило его инструкціей, на основаніи которой покойный Колосовъ представилъ Отдѣленію подробный отчетъ о своихъ разѣздахъ по нѣкоторымъ изъ сѣверныхъ губерній, напечатанный въ изданіяхъ Академіи. Дальнѣйшіе труды стороннихъ ученыхъ, появившіеся въ свѣтъ при содѣйствіи Отдѣленія, были слѣдующіе: извлеченія изъ бумагъ переводчика Иліады, сдѣланныя П. Н. Тихановымъ къ столѣтію со дня рожденія Гнѣдича; изслѣдованіе покойнаго профессора Казанской Духовной Академіи И. Я. Порфирьева: Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ; профессора А. С. Павлова: труды по древнерусскому законодательству; профессора Черновскаго университета Калужняцкаго: къ бібліографіи церковно-славянскихъ печатныхъ памятниковъ въ

Россіи; Русская Историческая Библіографія, В. И. Межова, 1865—1876 гг., въ восьми томахъ, съ указателемъ ко всему труду; описаніе Черногоріи, П. А. Ровинскаго; изданіе сочиненія стариннаго чешскаго писателя Хельчицкаго «Сѣтъ вѣрь», сдѣланное съ переводомъ на русскій языкъ покойнымъ молодымъ ученымъ Ю. С. Анненковымъ; филологическія изслѣдованія чешскихъ писателей: Коляржа, Патеры, Прусика. Въ послѣдніе годы Отдѣленіемъ предпринято изданіе ученыхъ сочиненій покойнаго профессора университета св. Владимира А. А. Котляревскаго; три тома этого изданія уже вышли въ свѣтъ. Наконецъ, сюда же относится напечатанное въ русскомъ переводѣ сочиненіе профессора Гельсингфорскаго университета В. Лагуса: Эрикъ Лаксманъ, біографія одного изъ членовъ нашей Академіи, который своею дѣятельностью въ области естествознанія и путешествіями по Сибири заслуживаетъ доброй памяти въ потомствѣ.

Въ заключеніе мы не можемъ не упомянуть о той новой роли въ отношеніи къ русской наукѣ и литературѣ, которая выпала на долю Отдѣленія русскаго языка и словесности вслѣдствіе учрежденія при Академіи нѣсколькихъ премій, какъ то: Ломоносовской, Пушкинской, Жуковскаго, гр. Уварова, митрополита Макарія, гр. Толстого, Костомарова, Котляревскаго и Кирѣева. На обязанности Отдѣленія лежитъ либо исключительное присужденіе, либо участіе въ присужденіи этихъ премій. Понимая всю важность возложенной на него въ этомъ отношеніи задачи, оно старается свято исполнять ее и безукоризненно нести отвѣтственность за свои приговоры передъ обществомъ и литературою.

Таковы главныя черты дѣятельности Отдѣленія за первыя 50 лѣтъ его существованія. Не придавая особенно высокой цѣны своимъ трудамъ, оно однакожъ позволяетъ себѣ думать, что добросовѣстно стремилось къ осуществленію своихъ задачъ, и если не успѣло въ достаточной мѣрѣ выполнить нѣкоторыхъ изъ нихъ, то причиною тому были препятствія, неизбѣжныя во

всякомъ человѣческомъ дѣлѣ и отъ насъ не зависящія. Отдѣленіе не сомнѣвается, что безпристрастный судъ соотечественниковъ отдастъ ему справедливость въ томъ, что оно съ самаго возникновенія своего сознавало свою неразрывную связь съ общою жизнью современной отечественной литературы, никогда не приписывало себѣ значенія верховнаго двигателя успѣховъ языка и литературы, всегда признавало всякое достоинство, въ его обнаруживавшееся въ области филологіи и словесности, всегда готово было прислушиваться къ голосу даровитѣйшихъ представителей нашей литературы, которыхъ и пріобщало къ своей средѣ то въ званіи членовъ-корреспондентовъ, то въ качествѣ сотрудниковъ при оцѣнкѣ представляемыхъ на судъ Академіи произведеній. Съ своей стороны и литература и искусство съ родственнымъ сочувствіемъ относились къ Отдѣленію и охотно обращались къ его содѣйствію въ вопросахъ, требовавшихъ участія науки. Смѣемъ надѣяться, что взаимная связь между людьми науки и литературы еще укрѣпится, что наука и литература будутъ и впредь дружно идти объ руку къ общей, дорогой для нихъ цѣли утвержденія и усиленія въ обществѣ умственныхъ интересовъ въ духѣ народнаго самосознанія и любви къ отечественному языку, чистота котораго должна быть предметомъ общаго нашего попеченія.

Лучшее ручательство за будущность Отдѣленія русскаго языка и словесности составляетъ та просвѣщенная заботливость о преуспѣяніи науки, какую Академія имѣетъ утѣшеніе видѣть въ дарованномъ ей благостію Монарха верховномъ Руководителѣ. Съ отраднымъ чувствомъ Отдѣленіе завершаетъ свое первое полустолѣтіе въ счастливую для Академіи эпоху, обѣщающую новое развитіе силъ и дѣятельности учрежденія, завѣщаннаго потомству Петромъ Великимъ.